3(05)
К-78

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНЫЕ ВСХОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВОЛОГОДСКОГО ГУБКОМА РКСМ

№ 1-3. 1923

ВОЛОГДА

3(05)
К-833

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Стр.

I) А. Субботин—За Красную Россию—стихотв. . . 1.
II) Виктор Зарницын Двое (повесть) . . . . . 3.
III) Петр Козлов—Рождение Коммунара—сказание. . . 12.
IV) Павел Смуров—Лесная глушь—(рассказ). . . . . 14.
V) И. Булатов Прошлому стихотв. . . . . 22.
VI) Москвинов—Спартак стихотв. . . . . 24.
VII) Гр. Смирнов—Призыв стихотв. . . . . 25.
VIII) Молодой большевик Кровавое воскресение . . . 26.
IX) Д. Вильнин—Памятный день . . . . . 32.
X) В. Колмаков—В тайной типографии . . . . . 36.
XI) В. Колмаков Засада . . . . . 39.
XII) Из революционных листовок . . . . . 40.
XIII) И. Ермолаев—О продлении жизни . . . . . 42.
XIV) И. Перфильев—Несколько цифр . . . . . 45.
XV) И. Шалауров О радио музыке . . . . . 47.
XVI) Н. Юдин О самообразовании комсомолецев . . 49.
XVII) Б. Шегула Вопросы союзной работы . . . . . 54.
XVIII) Б. Мирский—Всемирный с'езд комсомольцев. . . 59.
XIX) Наша история. . . . . 63.
XX) По заводам, городам и селам . . . . . 66.
XXI) В капкане „Красных Всходов" . . . . . 80.
XXII) Почта . . . . . 83.
XXIII) Обзор юношеской печати . . . . . 84.
XXIV) Об'явления . . . . . 85.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российский Коммунистический Союз Молодежи.

Красные всходы

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ.

№ 1 (3) **Январь** **1923 г.**

ЗА КРАСНУЮ РОССИЮ.

(*Песня*).

Как грозные стихии—
Железною стеной,
За красную Россию
Пойдем на смертный бой!

припев
Над миром наше знамя
Алей и краше зорь,
Вперед! Вперед! Не знает
Преграды Комсомол.

От фабрик и заводов,
С полей, от синих хат,
Выходит красный воин—
Красармии солдат.

Над миром...

С дворцами капитала
Сразиться... Победить,
Товарищ, выше знамя!
Буржуй штыком пробит.

Над миром...

Те первые восстали,—
Чья стали крепче грудь.
Товарищи, за нами,—
За равенство и труд!

Над миром...

И вся земля об'ята
Дыханием наших бурь.
Пусть гибнет мир проклятый
Под визги наших пуль!

Над миром...

Под грохот революций
Мы новый мир скуем.
Вперед, товарищ, слушай
В последний бой идем.

Над миром...

А. *Субботин.*

ДВОЕ.

(ПОВЕСТЬ).

I.

Еще скребли подметала на мостовых, вздымая столбы пыли по улицам, слонялись проститутки намазанные, в темных уголках бульваров, город, задернувшись занавеской, потягивался на конце томной майской ночи.

Гнусавым стоном, промычал у Спаса к заутрене колокол, и вторя ему, понесся протяжный звон, будя сонные улицы.

Высунулось на маковках церквей солнце, зализало языком каменные мостовые, взад и вперед забегали люди, засновали трамваи, разинули дверным скрипом свои пасти сотни магазинов, сверкая прилизанными прическами приказчиков,— город проснулся.

На берегу реки, у пароходных пристаней, стоял невообразимый шум; несло матерщиной, трещали грузные ящики, сваливаясь со спины здоровенных грузчиков, орал неистово пароход, пуская черные столбы дыма.

В грязном трактире Степана Степановича Мухоморова, торговля во всю; звенят стаканы, хлопают пробки выбиваемые из бутылок, гремят подносы, слышится грозный окрик с брюшком, что кухонный кувшин, самого хозяина.

А Васька, как угорелый носится от стола к столу.

Пожалте-с! Что угодно-с! С чем-с!—Неслось из уст упарившегося Васьки.

Буфет Мухоморова, базанясь колбасой, селедками, тухлыми огурцами, студенью, обтирался посетителями. Сверкали гривенники, двугривенные...

— Человек! Кипятку, кипяточку—и Васька сновал из угла в угол, воняя своим засаленным фартуком.

— Василий! За колбасой, за булками, да поскорее! —Слушаю, Степан Степаныч!

Вот уже Васька, не чувствуя под собою ног, летит по знакомым улицам, заглянет в витрины магазинов, крякнет от удовольствия и опять летит.

Вечер. Смыкаются глаза. Ноги еле двигаются.—Эх, жисть моя, за три рубля в месяц. да шешнадцать часов отдувай, ломи! Спать бы поскорее...

— Господа, долго вы будете тут?—Обращаясь к двум пьяным извозчикам, пробурчал Васька, —пора закрывать заведение.

Жарища в кухне. Пахнет душным мясом, шипит, как змея, уставший от дневной жаровки куб, бегают поводя усами черные тараканы, Васька, ведя отчаянную борьбу с ползающими в рубашке осьминогами—засыпает на своем верстаке. Только стук будильника, да храп Васьки, нарушают мертвую тишину кухни.

II.

Сегодня по улицам народ, словно кучи метелкой посметало. Толпятся у витрин. Охи, вздохи.—война! война! С немцами—пялится жирными шрифтами высочайший приказ.

Васька, выпучив глаза от тяжести скрипучей на голове корзины с мясом, начал по складам. „Мы, Божьей милостью, Николай вторый".—Ишь ты, война, значит,—и впопыхах, едва держа корзину, понесся к трактиру.

На другой день самые отчаянные береговые крючники были, как никогда, трезвы,—казенке крышка! гудело везде.

Иван Смолин здоровенный крючник,—задушевный друг Васьки, коротавший с ним иногда на берегу под лодками теплые белые ночи,—пошел на сборный пункт призываться.

Жалко Ваське Смолина, не хочется расставаться, как малое дитя расплакался.—Дядя Ваня возьми меня с собой на войну, я там тебе патроны подносить буду...

Куда ты, замухрышка, на войну! Как вошь раздавят, живи здесь да жди меня.

На парадной площади народу видимо—невидимо, засерело в толпе—это солдаты пришли, сейчас присяга...

Толстый с отвисшим брюхом поп машет, словно кого нагоняет крестом золотым, кистью машет, солдатские головы кропя усердно водой освятительной.—„Клянусь крестом и евангелием", —шамкают, как заведенная машина поповские толстые губы.

Под вечер, когда Васька, запыхавшись носился с чайниками—Смолин пришел проститься.

В темном уголке корридорном долго шушукались—жалость у Смолина к Ваське взяла свое; послушай, ты, Васька! сегодня в 11 часов, мы уезжаем, приходи на вокзал—так и быть—утащим с собой.

Радости не было конца. Обезумевший Васька весь вечер не помнил себя, разбил два чайника, обсчитался на полтин-

ник, за что получил хорошего подзатыльника от Степана Степаныча.

Надо было сделать так, чтобы хозяин не знал ничего о побеге; под предлогом сбегать в булочную. Васька улизнул из трактира и стал ждать, когда солдаты пойдут на вокзал.

Вот от моста, что перекинут через реку запищало, заскулело,—это, значит они идут—подумал Васька и вылез из под сарая, где он сидел, скрываясь от хозяина.

Музыка наяривала какой-то сногсшибательный марш, солдатские ноги выбивали шаг,—трам, трам, раз, два—неслось по улице.—Смолин! Дядя Ваня? Ты здесь!—Обрадовавшись подскочил Васька...

Вокзал. Блестят шипящие газовые фонари, хрипят надрываясь свистом неумолчным, паровозы, бегают мальчишки папиросники—„Кумир! курит весь мир“ папирос! Кому папирос? летит в уши.

По вагонам солдат разбили, посадка началась.—Залезай! Сорок человек 8 лошадей, гоготали отправляющиеся.

За солдатами приплелись из домов жены, сестры; ревело, кричало выло.—На ково ты нас оставляешь...

Васька с Смолиным уже в вагоне;—под лавку, Васюк, и ни гугу, пока не поехали.

Ухнул третий свисток. Затараторили колеса, замелькали огоньки.

„Последний нонешний денечек“—рвалось из солдатских грудей.

Васька сидел уже в открытую со Смолиным, глупыми глазенками впиваясь в это суровое, красное от непрестанного пьянства лицо.

А поезд, летел и летел, унося набитые людьми вагоны туда, где уже началась безумная кровавая свистопляска.

III.

За большие сотни верст от своего верстака очутился Васька. Вот уж он на позиции, нюхает порох и клянет во всю свою глупость. Один раз подходит к Смолину и чуть не со слезами говорит дядя Ваня мне домой охота.

— Ну вот видишь, сопля, ведь, говорил тебе, что здесь не у маменьки на печке, не в трактире на прилавке, чево я тебе сделаю пошел давай.

На позицию суп плохой привезли, ребята матом прямо начали крыть, к офицеру, а тот известно;—сволочи, расстреляю, что вам надо, какой суп?! и пошел, и пошел.

Васька тоже было запищал что-то, да начавшаяся в окопах стрельба, согнала всех по своим местам.

На другой день, недовольных супом в штаб полка притащили. Усатыи, с подпухшими маленькими глазенками, полковник топал, кричал, плевался и, приказал всех отправить в дисциплинарный.—Там вам из макаронов будут суп-то варить, только рот раззевай!—ха, ха, ха.—

По дороге в дисциплинарный, Васька заболел тифняком. в лазарет попался, а оттуда домой, в свой город.

А в городе, когда пришел на комиссию—расплакался—отпустите да отпустите.—

— А, ну, ладно!—рявкнул воинский начальник—больше с,ест, да испортит, а не навоюет. Ступай на все четыре стороны!

В снежный зимний вечер, когда по переулкам свистал ветер, забираясь во все дыры Васькиной шинели, он еле плелв ночлежный дом, раздумывая как быть, куда деться.

IV.

Сначала Васька побродил по улицам за подаянием, а потом стал искать места.

К старому хозяину итди?—не примет, да еще чево нибудь устроит—расхлебывайся потом.

К черту! Плюну на всю эту музыку, да пойду на завод, не дадут ли там какой нибудь работенки?

В конторе завода, что выпускал каждый день тысячи снарядов, Ваське дали работы.—Иди, вот там на дворе разные железные черепки таскать надо,—так и начинай.

А Васька рад--радешенек, хоть камни ворочать, лишь бы не умереть с голоду.

Теперь-то мы заживем!—окончив первый день работы и идя в ночлежку думал Васька.

И каждое утро, как только заводская труба отворит свою пасть, да загорланит зычным голосом, наш Васька спешит на работу.

Один раз на заводе во дворе какое-то собрание случилось. А что такая за штука собрание, сборище—Васька ни ухом, ни рылом не понимал.

Выскочил из толпы какой то мастеровой в кепке, на бочку, и давай громко, громко крыть администрацию, правительство.—руками размахивает, глазами ест народ.

Не успел кончить, как налетели толстопузые городовые и давай кричать—Долой! долой! в острог!

Перетрухнули немножко, да кепошник-то был видно не ротозей, нырнул меж народу, и поминай как звали.

После этого собрания многих уволили с завода, и кепошника все-таки нашли, да в каталажку запрятали. . . . .

. . . . . .

Васька сидя в ночлежке стал вдруг что-то задумчив, — что такие за люди, кои правительство пакостят. Доберусь же я, да узнаю про ихнюю канпанию,—больно хлестко правдуматку в голову Васьки кепошник вбил, не спалось парню, ночами все о нем думал.

V.

Вот уж год прошел, как Васька на заводе работает, много наслушался от рабочих, со многими компанию начал вести, политуры нахватается в праздничек, не подходи, сразу спустит банку.

Раз во время работы, один молодой мастеровой Ваське грамотку в карман сунул, да на ухо шепнул.—Никому не сказывай, а нет пропадешь, как муха.

— А Ваське что, — была не была, а уж свою бражку не выдам.

Поучен Васька малость был, грамотку прочитал, а написано там было, таково понятно, и все правда сущая, сказано:—царя, грит, по шее надо,— жирными словами отпечатано на конце, и упомянута—„с.-д. рабочая партия".

Так, значит, и кепошник-от их.

Тогда теперя-то я понял. Ну, обязательно к этому мастеровому завтра, скажу, што хочу в их канпании быть,— примут наверно.

Когда на обед с фабрики народ повалил, Васюк — молодого парня за рукав, да в сторону, послушай, Пенюхов, ты мне вот вчера эту грамотку-то сунул?

Ну?

—Ну, дак вот, я, значит, желаю со всем своим удовольствием в вашу конпанию, и мне намозолили глаза, да нагнали жару, эти городовые, хозяева и всякая шантрапа. —

Ладно, Вася! Только ты сначала побольше почитай, я вот тебе буду книжки давать, а потом может и примем.

Васька чуть было не заскакал, но Пенюхов приложил палец к губам, да и сказал Васе тихонько —только слышь, поосторожнее, а то с такими, как, мы не нянчаться, под свечки, да и туда где, показал крест на крест два пальца — знаешь; —солнце всходит и заходит — усмехнувшись кончил Пенюхов.

— Эх, дознался все таки, а почитаю, да потом в конпанию втюрюсь—да время придет по городовым свистну-то, и дело, переминал у себя на уме Вася.

VI.

Прошло много времени с тех пор, как наш Вася, по фамилии Канатов, начал книжки, что от Пенюхова брал, читать.

Вырос, возмужал парень—девятнадцать годов уже стукнуло, в кружке пропагандистов работал, рабочих на заводе баламутил, листки да книжки совал, все шло, как по маслу.

Но видит Вася, что за ним начали шмыгать да, подсматривать. И вот в один вечер, когда он дома сидел с товарищами, ведя беседу задушевную, ни с того ни с сего, к нему заявились городовые, да при них пристав, с брюхом, что у беременной.

Прут в комнату и прямо к Васе,—узнали видно.

— Вы, Василий Канатов?

Вася не оробел,—ну а вам что, живодеры, нужно?

Пристав рявкнул:—Ну! осторожней, крамольник!—Сбили' скопали, вверх тармашкам и перевернули все в квартире, - запрещенного много схапали. На извозчика Васю, да и в тюрьму, остальных для выяснения в участок.

Черная, душная камера ржавленным, стонущим громом захлопнулась. Вася один-одинешенек очутился вдали от своего Пенюхова, от листочков, книжек станков.

Решетки крепки,—стража еще не спит, сыро, тесно...

Только солнце иногда заглянет, поиграет на окошке, да опять спрячется.

VII.

Зима была на исходе. Доходили вести, что в городе на заводах не ладно, бунтуются кепошники, правительство за подметки пришить хотят.

Одной ночью, поздно Вася только что начал засыпать от дум тяжелых, как в корридорах каталашки шум поднялся.

— Эй, тащи, отворяй двери! на волю! выходи, братишко, —барабанило на разные лады.

— И в самом деле, видно революция пришла, —вскочив запрыгал Вася.

— Вылезай, вылезай, брат...

Скоро Канатов уже на заводе где раньше работал, очутился. Пенюхова и других из компании отыскал.

Красным везде кичилось, песнями звонкими, да митингами носилось из переулка в переулок, пересвистывая.

На заводе, где Канатов был, молодежи куча, в муравейнике ровно.

И вот давай, собрания да беседы, да разговоры у станка, потекло, поехало, через неделю Вася—кружок молодежи организовал. Крепко ребята Васю полюбили, горой стояли за его речи правдивые, что насупротив коалиции, как гром по заводу метал.

Разойдется бывало Вася, да как начнет крестить, и Керенского, и Милюкова, и всех, и так чистит, только слушать успевай,—деляга из парня вышел.

Но не повезло Васе и на этот раз - забрали скоро опять, за решетку посадили за речи большевистские, да за кружок, что из ребят заводских организовал.

— Нечево, все равно скоро свернут и вам головы,—при аресте гаркнул,—пошел, да запел новую, буйную.—Это будет последний,—что река бурливая бежала, песня лилась.

VIII.

Осенний ветер, листья кучками с деревьев посмахивал, дождь, что моросит без устали день деньской, их поприхлопал, на улицах в городе опять катавасия пошла, матросни в город наперло, застонали пушки от реки, тарахтели по улицам стрекотом максимок автомобили, юнкерье, да бабье, что за ка-лицию стояли, порасчистили,—Васю снова на свободу вызволили.

На заводе, в мастерских, в совете—начал воротить делами.

Скоро белые отрепыши на юге заляскали зубами. Много кепошников, да клешников поуехало туда. Вася не отстал. Ветер парня носит, глаза, что две свечки ярко горят, комиссаром полка назначили. И поделал делов, насвистал толстопузым досыта, да с одного фронта на другой со своим полком перекинулся,—еще больше смелости да расторопности.

Один раз долго возились с белыми, жарко было, да коли Васин полк напрет, так жди бани, - - поднажали, ухнули снарядиков двадцать, да в атаку, ровно мыши, офицерье из города поускакали

Полк скоро на отдых долгий остановился.

Пошли по городу собрания, да митинги, красными флагами да музыкой понесло, и везде Канатов, как откроет свою прихонскую, да начнет чистить, народ валом валил на собрания.

Много раз Вася замечал, как одна, в красном платочке к трибуне, где Вася стоял, подходила, на него засматривалась, слушая не уставаючи, записки ему писала, залюбовался ею парень, да не до того было.

Вечером, когда полным полно из рот публики скучило,—справки, указания, совета просили.—Василию, хлоп письмо, да на целом листе.

Заколотилось ретивое, что-то радостное зачуяло,— и в самом деле она, пишет;—люблю тебя, хоть куда угодно за тобой, я радуюсь за всех вас, что пришли к нам, завтра приходи на Липень, буду ждать.

— Так, значит, влопалась, девка, ну что же, потолуем — потягивая трубку, думал Канатов.

На берегу реки, что синими извилистыми лентами вьется, да с луной серебряной в глуби целуется, сошлись Вася и она, городская девушка, дочь рабочего,—словно роса янтарная, разговор жгучий расплескала, косами, что смоляными веревками, да глазами колючими чернея. Канатов долго слушал, долго говорил ей, что он человек перелетный, не может с ней долго здесь быть, нет, не уняло девку.—Я тоже большевичка, да и ты мне, ровно нож в сердце всадил, умом да взглядом стремительным заковал. —Нет, уж, вместе жить, вместе умирать,—слилось в жгучем поцелуе. Скоро боев на фронте не стало, белых разбили. Вася совсем сошелся с дорогим для него товарищем и, затем, он с Ольгой, так звали его новую подругу, уехал в отпуск.

Потекли еще более яркие, золотистые, бурливые дни Васиной жизни.

IX.

Заполонилось, застонало, заухало пушечным гомоном на Западе. Полк, где Вася комисаром был, на отдыхе стоял в городе Олина дома, на позицию выступать был назначен.

Крепко слюбились Канатов да Оля, друг без друга не могут жить. Фартовая, бойкая, решительная, начитанная подруга у Васи стала, пуще матери идея большевистская,—хоть что хошь, а с тобой на позицию поеду, буду сестрой раненых перевязывать, да какие нужно дела исправлять,—что же мне здесь околачиваться.—Уговаривал, уговаривал, Вася, так нет, не прошибешь. Поет свое, да и только.

Снова Канатов со своими товарищами колотит золотопогонников, работает до упаду, в бой вместе с полком, ровно вихорь по рядам летает.

Поздним вечером с белыми порядочное дело завязалось, в атаку пошли, ничего не выходит, паны уселись в окопы, да попукивают. Много наших легло, и Васю на этот раз не пощадило—ранило в плечо.

А Оля, как говорила, так и сделала—перевязывать раненых на поле битвы выкатила, как увидала своего Васю—к нему скорей. Свистели пули, лопались шрапнели летящими осколками снарядов, полк начал сдавать, а панам то и надо было—возьми да и пусти кавалерию, смешали все в кучу.

Раненые с Васей, да с Олей так и попались в лапы.

Избиваемых плетьми привели в штаб белогвардейского полка.

Перво-наперво допросчик на Васю рявкнул—как, что, кем был у краснопузых? А Канатов, как сверкнет своими

режущими глазами, да гаркнет.—А ты, белая сволочь, не кричи на раненых, спрашивай, что нужно, все равно скажу одно; я комиссар этого полка, который вас бил, что было духу.—

— Расстрелять, расстрелять!

— А ты, баба, кем была?

Оля не смутилась, не испугалась и хлопнула—я его жена. Стреляйте вместе и меня!

Когда багряное солнце скатилось за лес, пленников где были Вася и Оля повели на расстрел. И вот как будто земля разверзлась, за деревней, что стоял штаб полка панов, неожиданно раздались крики „ура", это летела наша вновь прибывшая конница.

Капатов, схватил Олю, да с криком—к своим бежим, товарищи!—бросился в лес. Защелкали пули, но промазали белые стрелочки.—И стрелять-то не умеют, отрепыши—подсмеивался потом Вася. Скоро из под смерти выбрались наши мученики, к своим в полночь заявились.

Кидаясь огненными лентами, недалеко от лазарета кряхтели разрывы шрапнели, улюлюкая злобным шипением и с визгом шлепаясь на землю. Лепет винтовок, да прошиваловка пулеметов, взбудораживали, расколачивали тенета темной ночи.

X.

Скоро Вася в лазарете поправился, демобилизация наступила, от службы освободился. Орден Красного Знамени, что звезда путеводная, на груди блеском переливается. По переброске попал в город, где Оля жила.

Дым коромыслом пошел в комитете партии. Вася работу начал, кажется еще больше сил прибавилось.

Оля, верный товарищ, тоже работает, не киснет у печки.

Вечерами бывало, когда от шума дневного, от лишних дел поисбавятся, начнут вспоминать прошлое: как с белыми хороводились, вспомнят речку, где они в первый раз сошлись, друг в друга крепко влюбились.

Вздремнувший колокол на каланче стукнется и двенадцать ночи проклянчит в тишине ночной, а Вася да Оля все гуторят—разговор в поток шумливый разливая.

Виктор Зарницын.

Рождение коммунара.

Сказание.

Поезд несет меня туда, на север, где холодные об'ятия вьюги. Но я вырос среди снежных, пустынных полей и мне не страшны жгучие об'ятия мороза. Медленно покачивается вагон и колеса ритмически поют свою вечную песенку:

— Та,-та,-та—та,-та,-та!

Я не один в купе. Со мной сидит пожилой господин: но черты лица его неуловимы: то он мне напоминает Ильича, то Маркса. Но неиз'яснимое прочесть мысли в лице его и доброта струится из глаз. Мы молчим, но я чувствую, что он хочет что-то сказать мне, и не ошибаюсь. Голос его мягкий, задушевный, но порой слышится в нем металлические, твердые ноты:

— Вы не знаете как родился Коммунар? — спрашивает он меня.

— О, нет!.. А вы?

— Я разскажу вам,—начал он.

— На острове Свободы, где вечно не заходило солнце, всегда стояло в зените и не жгло, а просто ласкало землю; где ручейки на серебряных колокольчиках струй пели гимн прекрасному, где цветы не увядали и струили ароматы свои, где деревья были прихотливы и сказочны и походили, то на осьминогов, то на колонны храма; и вот в этой чудесной стране, у входа в свою пещеру, сидел Мудрец с древнейшим фолиантом в руках и так говорил он:

— Здесь сказано в великом фолианте, что скоро придешь ты и освободишь угнетенных, ибо час рождения твоего настал, Великий Коммунар.

Не одно счастье жило в этой стране, и вот, когда услыхали Темные Силы слова Мудреца, то завыли они злобно и жестоко.

— Горе, горе нам! Коммунар должен родиться. Но в это время пришли два стройные и мощные юноши с молотами в руках. Один был закутан в шкуру леопарда,—Сын Земли, а другой, лучезарный, в белых одеждах Сын Солнца.

И спросили они Мудреца:

— Не пора ли, отец, приступить к созданию сердца Коммунара?

— Да—ответил он.

И положил Сын Земли кусок железа и стали на наковальню, а Сын Солнца окутал их лучами своими.

И ударили они молотами по будущему сердцу Коммунара, и так говорили:

Взмахи молота сильней,
Взмахи молота дружней,
Тверд и мощен наш удар.
Коммунар! Коммунар!
День рождения твой прекрасен—
Темным силам ты ужасен.
Тверд и мощен наш удар—
Коммунар! Коммунар!

Так говорили они, придавая форму сердца Коммунара. И пришла дивная женщина. Мысль, с блестящим мечем в руках и, касаясь будущего сердца, говорила:

— Иди к угнетенным, и пусть мысль твоя будет остра и блестяща, как лезвие моего меча! Рази все темное и злое!

А на смену ей пришла девушка - Счастье—и, бросив на сердце красные розы, сказала:

— Иди к угнетенным в темницы, в глухие деревни, на доки, на фабрики и заводы, и неси с собой счастье!

А Темные Силы все выли:

— О, горе, горе нам! близко рождение коммунара! но они были бессильны помешать великому событию.

И сказали Сын Солнца и Сын Земли:

— Вот сердце шевельнулось!

— Оно уже вздохнуло.

И еще ударили по нему и в красном пламени, в искрах огня предстал Коммунар. Молодой и сильный, как юный бог.

— Я пришел,—сказал он,—где заветы ваши?

— Вот завет наш, -сказал Мудрец—и подал ему красное знамя —иди к людям—братьям и помни: это красное знамя соткано из чистейшей крови угнетенных и каждое волокно окрашено ею. Иди, люди слишком страдают, но помни: тебя нет, ты частица их, они в тебе, а ты в прочих. Иди!

— Я иду и исполню завет ваш и освобожу братьев людей и отомщу поработителям!

Страшно взвыли Темные Силы и с криком;

— Коммунар родился!—скрылись.

А Коммунар пошел к людям, чтобы освободить их, и он пришел, и он идет среди нас. Кто он? Это ты, я, все, кто искренне жаждет быть свободным!..

Спутник молчит, я думаю о красивом сказании.

Колеса ритмично поют свою песенку:

Та,-та,-та! Та,-та,-та!

Петр Козлов.

Лесная глушь.

(*Рассказ*).

I.

Весной и осенью в Пустынь—ни пути ни дорожки.—Ни то что на лошади—пешим с трудом пробраться.

Земля-красавица, здесь словно оспой из'едена, в прыщах, да рытвинках вся, лесом—точно волосами поросла—густо,—на что у ветра-легкокрылого гребешек редок, и то в чащу забьется, рвет кудри зеленые, а расчесать не в силах.

На лошади и летом с трудом проехать, по пням да кочкам телегу из стороны в сторону, ухватил словно кто руками могучими, вместо чашки хлебной, ее, а ездок на манер коровая, боками о высокие стенки телеги туда да сюда, сюда да туда—не сладко, все костычки порастресет.

Зато летом, по коридору тенистому, узкой тропкой, извилистой,—непостоянной, как красавица, идти—любо. Стрелой прямой тропка тянется, поляна вдали видна, лесу должно конец, шагу прибавишь—не тут-то было: разбежалась тропка, да в сторону, в чащу глухую нырнула, еле видать ее, словно бежит она от тебя, спрятаться хочет и страшно и приятно. Приятно под ногами своими ее, непокорную, держать,—нет, шалишь—мол, не уйдешь, из под крепких ног молодых, как не прыгай—не выпрыгнешь. Снует она из стороны в сторону между стволами столетними, толстыми. Деревья ветвями все до земли достать хотят—тянутся, да не гнутся сучки толстые, машут—лапы лиственные по воздуху. Тихо в чаще, вверху листья шепчутся о чем-то, тайну свою заповедную выдать боятся. Кой-где между травкою цветочек белый слезой мелькнет или ягодка—земляничка красная, большая, сочная,—солнышко своими губами жаркими сок-то не выпило, зеленая крыша лучи солнышка студит,—как сережка в ухе красавицы на стебельке качается, сорвать бы ее, да наклоняться не хочется, наклонись только и упадешь, кажется, в этот всегда влажный, бархатный ковер.

Далеко Пустынь от города и сидят Пустынцы по деревням своим годы круглые, редко в свет покажутся. Отвыкли они давно от чаю, сахару, белой муки; и раньше незалежно, а тут как пошла канитель эта, на один хлеб сели, нет ничего ни в город, ни в село ездить незачем. Не любят Пустынцы в гости ездить и гостей принимают неохотно. Праздники у них свои, церковь свою поставили, район свой, школа своя, хотя супротив церкви не ражинькая. Зато и поп—туша целая, а учительша—утенок ощипанный. Как до гостей Пустынцы не охочи не избавились они от них. Не все видно тропки окончательно кустарником мелким заросли, не заго родил валежник дорогу изрытую, не засыпал лист осенний мягкой колеи все, навещают Пустынцев гости не прошенные,— исполкомцы сельские, подати да налоги разные собирают, мужиков прижимают, на мужицких лошадках по Пустыне раскатываются.

— Опять понаехали.

— Чавой им только надыть от нас?

— Все, кажись, позабрали!

— И так голы, как соколы.

Разговаривают мужики Пустынские промеж себя, а открыто говорить боятся. помнится им начальство прежнее— старшина Белов, да урядник Еремеев, строгие были, чуть что—в кутузку при правлении на высидку—поди и нонешние не чище—думают.

II.

Дементий Колышкин нераже жил, ни скотинки лишней, ни землицы—бился мужик. А семья большая—и самому старшему Ваньке двенадцать годков, за им еще целых четверо, хлебом не расшвыряешься.

Пошли реквизиции—не обижался мужик, с богатых боле брать норовили, не тревожили его, а ему чего и надобно?

Ваньку все в город прочил, в мальчики куда нибудь определить, благо земляк один, столяр, мастерскую свою имел в городе. И повел Дементий Ваньку из лесу по тропке изменчивой, вывел на свет Божий, глянул Ванька, руки, как крылья расщеперил: не видел он полей таких широких, куда ни глянь— рожь—взором не окинешь, далеко, далеко она золотится, а лес только сзади остался каемкой черною. Безлесная сторонушка, до самаго города поля, да кустарник мелкий дорогу жмет—в ширь разбежатся не дают. В городе Ванька не бывал, однако, в книжках, когда в школе учился, и не о таких городах читывал, не растерялся парень—освоился быстро.

У Василья Васильича—хозяина,—парнишко в его лета был, и пошли у них разговоры, что ни час — новые подавай.

С утра раннего в мастерской разговоры заведут, да до позднего вечера и толкуют.

Рука за рубанком по доске гоняется; гладит доску ласково, стружки кудрями подрезанными ковром мягким к ногам крошатся, а язык из стороны в сторону, из стороны в сторону.

— Какая у нас школа: ни книжки тебе хорошей, ни учителя умелого; писать, читать научат и доволен будь—говорит Ванька.

— Знаю, лучше гораздо у нас в школах, особенно за последний год, весело больно стало, журнальчики стали рукописные выпускать, комитеты организовывать.

Толкуют ребята, сам Василий Василич поглядывает недовольно, старый он человек и самоуправства не любит дюже.

— Языком-то чисто строжите, хоть в думу пускай, а на тесине-то посмотри канавы водосточные—скажет. А ребята поумолнут на минутку, да опять начнут.

— Киселев вчера заходил—в городе союз молодежи организовался, сходить-бы?

— Это еще что, за союзы? каждый молокососишко на союзах помешался—совсем взорвало мужика, а знает речи, его крикливые—не платок на рты ребячьи—все равно болтать будут, да и не жаль, так уж от скуки он кричит.

Работают ребята не 6, не 8 часов, а и все 10—12, с 7 утра, солнышко когда с правой стороны в окно заглядывает в склад досок упираясь, к станку встанут, а уходит—когда чуть-чуть левое окно захватывает, по потолку цепляется.

Целый день по доскам руками ездят, подчищают их или красят; целый день смолистым воздухом сладким дышут, песни рубанка слушают, подпевают ему, а кончат работу—на улицу выйдут, бродят по городу.

III.

Небо раскапризничалось, расплакалось, столько ден глаз свой на землю пялило, взглядом своим томило ее красавицу—жалило, рты поразинула пить запросила, ну и на, пей, слезы небесные—дождичек крупный.

— Севодня и на улицу не выйдешь, дождик по крыше, что кровельщик настукивает.

— Да, плоха прогулка севодня, разве на собрание союза молодежи сходить, Киселев сказывал, оно сегодня будет.

— И то, сходим давай, одначе не так скучно.

Не слышит Василий Василич речей ребячьих, нет его в мастерской, а то не по губе бы пришлись они ему, на-ко дошло до чего.

А ребята крепко надумали в союз сходить, только работу кончили, да и туда.

Там в сборе все, один митингует, остальные слушают Ребята к стенке приросли, не дома бродить не станешь. Пока оратор не кончил с места не сходили, кончил—вперед продвинулись.

Киселев увидал—к ним идет.

— Что в союз долго не запишитесь?

— Что делать—то здесь? На собрания ходить, доклады различные слушать, учиться. Давно-ли Киселев ни бе; ни ме не разумел, а тут, на-ко, о докладах порет, что наш дьякон ектенью мелет—ребятам завидно.

— Чтой делать потребуется—вступить ежели?—Ванька спрашивает.

— Заявление подать, и только.

— Писать то как? не приходилось, не знаем.

— Согласны—напишу.

— Валяй, от двоих, строчи.

И пошли дни за днями В мастерской разговоры новые, не слыханные, рубанку не привычные, не знакомые — бегает бегает, по доске, да и встанет он, хорошо Василий Василич не дремлет—эй, парень, зазевался, толкуешь долго, скоро-ли язык чесать надоест, работать надо.

Подхлестнут эти слова рубанок, снова он быстрей прежнего забегает, и бегает до тех пор, пока не заслушается речей ребячьих, новых. Время бежит и они меняются. серьезные пошли разговоры, морщится Василий Василич, точно чихнуть собирается, а не спорит с малым—пущай, лишь бы работали, а то еще вздумают 8 часов, а то и все 4 отщелкивать, тогда не легче, а у их это пустяки, инспектор даже, говорят, свой какой то есть.

Ребята не лодырничают, но и на союз времени хватает, каждый вечер в клубе.

IV.

Три года для Ваньки раем прошли, точно от поцелуев солнечных в воду вскочил, вылез, а оно спять целует, жарче прежнего, и опять в воду хочется.

Весть из дому пришла не желанная, бумажонка грязная сердечко запачкала светло так и радостно было в нем, а тут, на, „приезжай милый сынок домой, раскорчевал я пни на Бугорине и работы нонеча не мало“.

А здесь мало разве работы, и такая разве она? Там не то што книг ворох, а газет не будет. Как ни горько, не тягостно, ехать пришлось. Не бросать же хозяйство отцовское, родное.

Прощаясь с Данькой, сыном хозяйским, говорил — ты смотри, пиши, газет посылай, а на праздник Николы зимнего приезжай в гости.

Обещался Данька, а Ванька, домой пешечком идучи по полям еще не просохшим, — думал: придти, да ячейку у себя в Пустыни организовать, то-то укомцы у нас рады будут. Попробую выйдет ли что, сторонка-то у нас больно уж эманиста, на культурки и то не расположена, так комсомол то ей чертом покажется, слопает, скажут этот черт, и самогонку, у буйство, и картежную игру.

С каждым шагом к новому житию своему парень ближе.

V.

На второй день к вечеру, домой приплелся, в избу зашел, а изба, как неряха какая, — раскидалась, под нос лохань сунула, запахом нехорошим по носу, что дубиной, веник под ноги бросила, гостя чуть на пол грязный не уронила.

Домашние обрадовались, жданный гость, желанный, а Ваньке после хором мастерских с окнами пучеглазыми, избушка старухой горбатой, сморщенной показалась.

Пообсиделся и ничего, к запаху, к темноте и воздуху тяжелому, что сначала на грудь ложился, дыханье давил, — привык, а на другой день на поле вышел, обвились веревочные вожжи круг рук, змеями пристали крепко, не выпустим, мол, теперь, таскают по полю за лошадкою, а косуля ласки, — просит: прижмись ко мне руками молодыми, крепкими — и шагает Ванька по полю, режет землю, да бороной — гребешком чешет, полынь траву вычасывает, чтоб родился хлеб хороший.

Оглянуться парню некогда, не то, что написать что, поле шагами мерят с утра до ноченьки.

Из города вестей ждет, нет только их что-то, в Исполкоме наверно теряются, разносить некогда, пора все страдная.

В августе только свободную минутку Ванька нашел, потолковать с ребятами решился, да запетушились те.

— Ты — ста в наш огород со своими порядками не лезь, коли союзы надо, обратно в город поезжай. — Жалко больно союза — не приезжал бы, а в городе жил. — Мы — ста, союзники, птицы какие, подумаешь, не хуже мы тебя.

Не вышло ничего, не поняли парни, да и где понять, не слыхали еще такой штуки, слышат впервой, в голове от самогонки что-те тесто в квашне — шумит. Отец тоже говорил.

— Ты, Ванька, не суйсь, что ты выдумал мутить парней, жили безо всяких союзов и жить будем так.

Озлился, парень, окрысился.

— Вы жили, а мы иначе жить хотим, и жить иначе будем.

— Ты хотишь, может и лучше по твоему, а они не хотят, что поделаешь.

— Раз'яснить я им должен, образумить их, доказать что не так делать надо.

— Поди-тко, образумь, ужо на первом празднике они тя гирей образумят, со своими речами дождешься.

— Не боюсь я ихних гирь.

— Боек больно стал, хробосток. Они-те прыть эту сбросят.

Б росил Ванька разговоры о союзе в компаниях, по одиночке ребят ловит, говорит-говорит с ним, да в уши с речами с другими о союзе словечко вложит. Все—польза.

На беседы уже ребята почали ходить, самогонкой к празднику Николину—дню запасаются, а успехов у Ваньки нет, ждет он гостя городского, потолковать бы с ним, душеньку отвести, успокоится.

VI.

Лес, старик столетний—седехонек. В снежную парчу вырядился, у корней ковром мягким, пушистым снег лег—сунься потонешь.

По белой скатерти праздничной, полоскою темной дорога узорно вьется, извивается, то вправо то влево—выкрутасами.

По дорожке с трудом, трудом, а ехать можно, коль ветру пошалить не вздумается, а то схватит в лапищу громаднейшую, снегу ворох, да на дорогу—выползай, как хошь.

Раздолья то ему, безобразнику, мало, не гнутся, не ломаются березы, сосны, ели большущие, больше на поле он орудует, тут сам себе хозяин. Дунул и полетел снег комьями, дух сперло, глаза пылью засыпало.

— Ишь, носится, окаянный, спокою никогда у ево нет—говорит возница.

Вот сейчас, из лесу выехали, а ветер тут как тут, словно ждал у околицы. Вокруг розвален быстро носится, бранится.

Деревня огнями мигает, в тепло скорей манит, посады раздвинула, широкой улицей гостей принимает, покосившейся избушкой кланяется—пожалуйте.

У колодца не то баба, не то мужик, в темноте не разберешь.

— Тета,—приезжий крикнул—а где здесь тов. Колышкин живет?

— Ванька, што-ли?.

— Да, Иван.

— Ишь, товарищ какой. А ты из ихних што-ли, будешь?.

— Из ихних, только озяб я больно, ты поскорей дом-то мне укажи.

— А позачасовней первый. на правой руке, нет только ево. поди, дома-то, на беседе, поди, он, праздник у нас седни.

— Спасибо, найду как нибудь.

Тронулись, а ветер и тут нашел, бежит справа да в ухо песней кидается. Холодно. Ладно изба Колышкина близко.

Взошел парень, на иконы не то, что перекрестится, взглядом не уважил, словно и нет их, к старухе, что с самоваром беседу вела с вопросом.

— Колышкин здесь живет?

Здесь, родимый, а пошто те ево?.

В гости к нему приехал, позвать-бы его надо.

На беседу он убег, я ево схожу позову, сам—то ты отколь?

— Из городу, бабушка, из городу.

— То-то по одеже вижу, не наш будешь, и по обличью-тоже, поздо в гости што приехал, праздника то седни конец.

— Ничего, успею нагуляться, ты сходи вот, позови его.

— И той, пойду.

Парень по избе заходил, ноги то должно не спотели, разминки требуют...

Через четверть часа Ванька, запыхавшись, вбежал.

— Здорово, Даня, ждал, ждал, тебя, не приедешь думал, а ты чако и прикатил.

— Трудненько было, да кое-как добрался. Ну, и глушь у вас ну, и дороженька.

— Да, не легко пробраться, и жить не легко здесь.

— Чем не жизнь, веселишься ты, на вечерки вот бродишь, девах крутишь.

— И не хочешь брат, пойдешь, у нас иначе нельзя, с волками жить по-волчьи выть, а то зубы окрысят, загрызут.

— Подожди, самовар—разогрею расскажу тебе все тогда.

Захрипел самовар, должно углями подавился, а Ванька о жизни своей уже рассказывает.

— Плохо, брат, дела вообще, а с союзом и приступить как не знаю. Сначала это приехал из города на пролом пошел, ребят в школу собрал—и давай отчитывать.

Говорю—а сам слушаю!

— Ну не было—говорят—печали, черти накачали, мало ездит ораторов—свой заявился, пехни, Васька, ему рукавицу в глотку—замолчит может.

— Не отступаюсь я, изменил политику свою, по одиночке ребят ловлю, да разговариваю, плохо только, нет книг, газеты не получаем..

Замолчал, а в это время ветер в окно песню принес:

Записался в коммунисты
Ванька Колышкин у нас,
Подожди, потянем скоро
На веревочку всех вас.

Про меня—сочинили, стращают все, налупим—говорят.
За что-же это?
А за то, что умнее нас хотишь стать.

Мы видали коммунистов,
И почище тебя,
Не трепли языком много,
Все равно, парняша, зря.

Новую песню нес ветер, как бы смеялся,—что, не слушал меня, когда я в лицо снегом тебе бросал, говорил—вернись, ехать незачем, не слушал? Так на же, на. Летели частушки в окна камешком, сердце били больно, шумел самовар, а ребята разговаривали.

— Как-же, в город сбежать думаешь, лучше ведь там? Нет Даня, не утащишь теперь меня, до тех пор, пока здесь союз не организую, а-ноги как следует не поставлю, слово дал не выезжать, пока этого не сделаю.

— А что если изобьют тебя ребята за это?.

Не изобьют, как нибудь уладим, помощь от вас только нужна, газет, книг шлите, пойдет тогда дело...

Долго говорят ребята, домашние с гулянья собрались и спят уже, огонь из лампы керосин весь выпил, мигает пора спать—показывает. Тихо на улице. Вдруг, в окно весенней пташкой частушка щелкнулась.

Брошу ножик, брошу пить,
Во союз стану ходить,
Во союз стану ходить,
Коммунистом хочу быть.

Посмотрел Ванька Дане в глаза—спросить словно хочет—слышишь, а глаза слипаются, и язык не хотя выбалтывает.

Спать, паря, пора, пойдем ложится...

Павел Смуров.

Прошлому...

Отрывок.

I.

После долгих лет разлуки—
Встреча первая с тобой
Пробудила в сердце муки,
Пережитые порой...

II.

Ты такая же, как прежде,
Также светит ясный взор,
И улыбка, и в одежде—
Тот же жгучий приговор.
Те же милые манеры—
Уклоняться и молчать;
И в движениях—Венеры
Вековечная печать...
Много, много качеств старых,
Чем полна твоя душа...
Словно звонкий зов гитары,
Говор чудный Ниагары,
Ты мила и хороша!

III.

Но прошло, чему бывало
Сердце жгучее мое
Ласки бурно отдавало
И любило, и цвело...
И страдало в скуке томной
Под напевы вечеров,
Вечно хмурых, вечно темных,
У заезжанных дворов...

IV.

Помнишь зимние морозы.
Говор Арюндских лесов,
Встречи старые и слезы,
После верных, милых слов?
Помнишь пламенные взгляды
И знакомое „люблю!",
Песню новой серенады,
Что, бывало, запою?

V.

Даже в камере тюремной
И холодной и немой—
Образ твой, как луч весенний,
Был всегда передо мной...
Всюду, где бы дни разлуки
Ни застали бы меня—
Все одни и те же муки,
Думы только про тебя!..

VI.

Но прошло... Года, как волны.
Смыли первые мечты,
Быстро жизненные челны
Образ милой унесли...

VII.

Только там цвели фиалки
И алели мотыльки,
Где лобзания сливались
В бурно-страстные ручьи...
. . . . . .
. . . . . .

VIII.

После долгих лет разлуки—
Встреча первая с тобой
Пробудила в сердце муки,
Пережитые порой.

И. Булатов.

СПАРТАК.

Семь смелых, гордых в ряду стояли.
Семь гладиаторов—рабов.
Мечи и шлемы,—в руках блистали
Былых друзей, теперь—врагов.
Сверкая гневом, глаза горели
На лицах согнанных бойцов,
И праздны люди из лож глядели,
Как бой кипел среди рабов.
Пять гладиаторов убитыми лежали,
Шестой спасался, как жалкий пес.
От крепких, ловких ударов стали
Не спасся, мертвым на землю лег.
Сразив на смерть друзей недавних,
Спартак стоял один, как Бог,
Средь бледных трупов, в крови лежавших
В его ногах без мук, без слов,
Бросая гневно свой взгляд суровый,
Спартак в душе негодовал
За участь рабскую, их путь терновый,
За тех кто жизнь всю проклинал.
Толпы несчастных сбирая рати,
Спартак решил отмстить врагам,
И в гневе злобы он против знати
Повел рабов к морским брегам.
В долине ровной, сойдясь с врагами,
Рабы на бой спешат скорей,
Их дикий топот и лязг мечами
Влагали бодрость итти смелей.
Смешалось все... В аду кровавом
Битва кипела за жизнь насмерть.
Валялись трупы, и в величавом
Небе дышала всюду смерть.
Битва замолкла. В борьбе неравной
Спартак погиб и с ним рабы;
При плеске волн, луне печальной
На бранном поле они легли.
Ликует Рим. В триумфе смерти
Шли победители с войны
От звуков трубных, безмерной чести
Красс и Помпей были пьяны.

Москвинов.

ПРИЗЫВ.

В душе стремления огневые
Подняли мой полет мечты
Взмеркнулись силы молодые
В сиянии новой красоты.

Казалось, я в эфире мира
Летал, как в сказке, в этот миг,
Рукой лаская струны лиры,
Бросая людям буйный крик:

—Идите все под наше знамя—
Кровавый знак борьбы веков!
В нас тлеет светлой правды пламя.
Протест страдания и оков.

В семье великой коллектива
Мы все росли, средь черных хат.
Нам революции горнило
Дороже царственных палат.

Ударом молота и лома
Мы разбудили сонный мир,
На стройку радостного дома
Встань пролетарий—исполин!

Гр. Смирнов.

Кровавое воскресение.

... Вы шли к царю добиваться прав своих, и он встретил вас ружейными и пушечными залпами ..
Вы просили у него хлеба и работы,—и он угостил вас раскаленным свинцом...

(Из прокламации 1905 г.)

I.

Глубокие причины экономического и политического характера до глубины потрясли здание русского самодержавия, задолго до январских дней 1905 года. Тяжелое экономическое положение рабочего класса, несчастная война с Японией, затеянная маленькой кучкой царской родни и придворных в целях личного обогащения, политическое безправие,—все это сильно волновало русское общество. Но только могучее движение пролетариата сообщило этому недовольству его острую политическую форму, только рабочий класс, в один день изжив свои иллюзии насчет внеклассового характера самодержавия, перешел от слов к делу и поставил в порядок дня вооруженную борьбу за свержение опостылевшего строя.

Началось на Путиловском заводе по случайному поводу. Мастером Тетявкиным было уволено 4 рабочих, состоявших членами „Общества русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга". Это общество было организовано священником Георгием Гапоном, при поддержке правительства и при полном содействии охранного отделения, и ставило своей задачей просветительную работу среди рабочих Питера, с целью противодействия вредному влиянию революционных социалистических организаций. Общество имело 11 отделов во всех районах города, и пользовалась значительным влиянием малосознательной рабочей массы. Увольнение четырех рабочих с Путиловского завода, приписывалось тому, что все они состояли членами О-ва.

Гапон, в начале, пытался добиться обратного принятия уволенных путем личного влияния на администрацию завода, но, когда его усилия оказались тщетными, поставил на обсуждение „Союза". Было решено отправить депутации от рабочих к директору завода, к градоначальнику и к фабричному инспектору. Когда положительных результатов не было достигнуто, то было решено забастовать. Экстренное собрание „Союза рус. фаб. зав. рабочих", состоявшееся 28 декабря, на котором

присутствовали представители всех 11 ти отделов, постановило требовать увольнения мастера Тетявкина, обратного приема уволенных рабочих и „если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фаб.-зав. рабочих не ручается за спокойное течение жизни города".

В течение 29 и 30 происходили переговоры, которые обнаружили нежелание удовлетворить требования рабочих со стороны администрации завода. Второго января состоялось экстренное собрание „Союза" (Нарвского отдела), на котором присутствовало до 600 человек.

После нескольких выступлений, было решено завтра, 3-го, без крика и шума, собраться и требовать у директора обратного приема рабочих и увольнения мастера. На этом собрании присутствовал и пытался выступить представитель социал-демократов, который предложил итти с красными знаменами и дополнить выставленные требования, требованием политической свободы.

Однако, собрание отнеслось враждебно к выступлению и заявило, что будут держаться на чисто—экономической почве.

3-го января Путиловский завод стал и, после отказа директора удовлетворить требования рабочих, началась забастовка.

В помещение Отдела в это время происходили беспрерывные собрания. Все новые и новые толпы рабочих вливались в помещение, сменяя друг друга, и перед всеми Гапон оглашал требования Путиловских рабочих. Эти требования, составленные в самой общей форме, имели основной пункт о создании комиссии из рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих. Внимательно выслушивающие рабочие, однако, не ограничились одним одобрением этих требований, а дополнили их конкретными предложениями, которые голосовались и тут же вставлялись в список. Эти требования были: 8-ми часовой рабочий день, работа в 3 смены, отмена сверхурочных работ, повышение платы чернорабочим с 60 копеек до 1 рубля, а женщинам с 40 до 75 копеек в день, улучшение санитарной части и бесплатной лечебной помощи заводским рабочим. Директор эти требования удовлетворить отказался.

Движение, между тем, стихийно росло, побуждаемое насилиями полиции; настроение рабочих все повышалось. Руководство движением находилось в руках Гапона, который совершенно не был способен к этому; повышение настроения массы психологически отражалось на нем и, загипнотизированный успехом своей проповеди, он всецело отдается толпе.

Социал-демократическая организация—как большевиков, так и меньшевиков—слишком поздно приняли участие в движении, и только 4 января появляются с.-д. прокламации, которые, однако, совершенно не захватили широких масс рабочих, слепо шедших за Гапоновским союзом.

Чем об'яснялась эта слабость с. д. организации, которая оказалась совершенно бессильной перед внезапно выросшим стихийным рабочим движением? Прежде всего дезорганизованностью партии. В то время, когда назревали такие грандиозные события, внутри социал-демократии, разделившейся на две фракции большевиков и меньшевиков, велась усиленная внутренняя борьба. Меньшевики уже тогда показали свой оппортунизм при определении очередных задач рабочего класса, и большевистскому комитету пришлось вести упорную борьбу с соглашательскими меньшевистскими организациями.

Каждая организация стремилась привлечь рабочих на свою сторону. Каждая организация вела самостоятельную работу, издавала свои прокламации, и доходили (т. и. внефракционные) до отказа печатать листки другой организации. Естественно, что при таком хаотическом состоянии партии, когда поднялось огромное движение, во главе его оказался,—правда на один миг,—политический авантюрист, тюремный священ-

ник, служивший в охранке, Гапон, пользовавшийся огромным доверием масс.

А события развивались с огромной быстротой. Путиловцы разослали своих делегатов Петербурга с просьбой поддержать их. 4-го января, пред'явив требования 8-ми часового рабочего дня, стал Франко-Русский завод. 5-го стал Семяниковский завод, фабрика Штиглица, Екатерингофская бумагопрядильня.

Того же 5-го января, депутаты путиловских рабочих явились в правление Путиловского Акц. О-ва и пред,явили свои требования. На вопрос о введении 8-ми часового рабочего дня, акционеры ответили, что он может быть решен всеми заводовладельцами Питера, а в остальном они обещяли уступки, но ни до чего определенного не договорились.

6 го и 7-го забастовка перекинулась на Васильевский остров и Выборгскую сторону, где стали не только все крупные предприятия, но были сняты также и рабочие с ряда мелких предприятий.

7 января стали все крупные заводы и фабрики столицы. 8-го забастовка уже была всеобщей.

II.

Мысль, что в случае, если требования рабочих не будут удовлетворены, то нужно итти к самому царю - принадлежала Гапону. Еще 4 января на одном из многолюдных рабочих митингов он ее бросил в возбужденные массы и она быстро разнеслась по Питеру.

Все эти дни, в помещениях отдела Союза кипела многолюдная толпа рабочих, ораторы бесспрерывно разясняли петицию перед сменяющими друг друга тысячными толпами.

Рабочие внимательно выслушивали, вносили свои поправки и с каждым часом их настроение становилось сознательнее и революционнее.

Гапон лично об'езжал районы и своими страстными речами наэлектризировал толпу. В последние дни им овладело сомнение в успехе дела и в некоторых отделах он предупреждал рабочих о возможности неуспеха, о грозящих опасностях, о том, что царь может отказаться выслушать свой народ, но никаких лозунгов для дальнейшего он не давал и только ограничивался фразой „и тогда нет у нас царя". „И тогда нет у нас царя", как эхо откликалась толпа. Речи Гапона и других ораторов производили потрясающее впечатление, многие плакали топали ногами стучали стульями и поднимая руки вверх клялись: „помрем на площади!".

„Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы терпели, но нас толкают, все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душит деспотизм и произвол и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук".

Такими глубоко прочувствованными словами начиналась петиция петербургских рабочих. Она перечисляла все притеснения которые терпит народ начиная от сквозняка на фабрике и кончая политическим бесправием. Она требовала амнистии, политических свобод, отделения церкви от государства, восьми-часового рабочего дня, нормальной заработной платы, постепенной передачи земли народу и в первую очередь созыва Учредительного Собрания путем всеобщего и равного голосования.

„Вот, государь, главные наши нужды... повели и поклянись исполнить их—и ты сделаешь Россию сильной и славной... не отзовешься на нашу мольбу—мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом. Нам не куда больше итти и незачем. У нас только два пути—или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстра-

давшейся России. Нам не жалко этой жертвы—мы охотно принесем ее.— так заканчивалась петиция.

Социал—демократы, большевики и меньшевики, прекрасно понимали, что может получиться из шествия к Зимнему дворцу в случае, если солдаты начнут стрелять.

Но все попытки помешать ему были заранее обречены на неудачи. Вначале социал—демократы даже не допускались на собрания и только в последние дни перед 9-м января они получили возможность прийти непосредственно к массам, несмотря на то, что все политические требования социал—демократии вплоть до созыва Учредительного Собрания принимались без возражений.

7-го января, за Невской заставой состоялось совместное совещание Гапона с социал—демократами, на котором он просил социал демократов не вносить ничего революционного в шествие, но если начнут бить, то всем предоставляется свобода действий.

Социал демократы решили участвовать в шествии впереди рабочих, что-бы суметь организовать отпор в случае нужды и в крайнем случае умирать вместе с рабочей массой..

Либералы—интеллигенты в это время совещались в редакции одной из газет и в конце концов решились послать депутацию к Святополк-Мирскому и Витте. В депутации участвовали Максим-Горький, Анненский, Арсеньев, Пешехонов, Лизкотин и др.

Депутация явилась к Святополку, но его не оказалось дома, а Витте депутацию принял, и в ответ на их просьбу о принятии им мер по предотвращению могущего быть несчастья, ответил, что это дело не его ведомства...

А на следующий день после Кровавого Воскресенья все лица, участвовавшие в депутации, были арестованы и посажены в крепость—как члены „временнаго правительства"...

Полиция все время держалась в тени и ни во что не вмешивалась. Правительство стягивало войска, раздавало боевые патроны, разослало патрули, в разных местах города устроили штабы, везде расставили войска—около дворца, у застав, в рабочих районах, на заводах и фабриках, артиллерия была на готове.

Близилась развязка...

III.

Наступило воскресенье—9-е января.

С утра начали собираться рабочие к отделам. Шли все—старики, молодые, женщины и дети.

Настроение рабочих было самое мирное, митинги перед шествием заканчивались пением „Отче наш".

Во главе толпы рабочих, шедших во главе с Гапоном к Нарвской заставе, несли портреты царя, иконы, хоругви.

Условлено было собраться рано утром к отделам и к двум часам дня попасть на Дворцовую площадь и там ждать до вечера приезда царя, который был в Царском Селе, и, вручив ему петицию, заставить его всенародно поклясться выполнить требования народа.

Петербург в этот день представлял необычайное зрелище. Сотни тысяч рабочих, массы публики и войска сгрудились в центре города, а из районов подходили все новые толпы рабочих.

Как только массы дошли до тех пунктов, где были расположены войска, они были встречены залпами пехоты, кавалерией и конными жандармами, которые бросились в атаку на мирную безоружную толпу.

План „сражения" был заранее хорошо подготовлен и продуман. Высшая власть в городе была вручена великому князю который твердо решил не допустить „революции" и во что бы то ни стало укротить „мятежную" толпу.

Войскам был отдан приказ не подпускать толпы ближе 50 шагов, стрелять боевыми патронами по усмотрению офицеров...

Напрасно рабочие умоляли пропустить их, женщины и старики плакали, становились на колени, но офицеры были неумолимы. После первого залпа был дан второй, тре-

тий; пули достигали бегущих на дворах, в квартирах; когда действие огня прекращалось—пускали в ход конницу, которая врывалась в толпу и рубила шашками направо и налево, топтала людей. Такая картина была во всех районах

Однако мысль пробиться ко дворцу неотступно владела массами. Пробиться через кордоны солдат не могли и толпа бросалась окольным путем, переулками. Невой шли в одиночку и небольшими группами, передавая слухи о крававой расправе..

В этот день царский дворец был чудесным магнитом, притягивавшим к себе сотни тысяч людей.

Сопротивления войскам нигде не было организовано — толпа была обезоружена и только на Васильевском острове, под руководством социал демократов, толпа организавалась и после нападения конницы бросились искать оружия. Разгромив ближнюю оружейную мастерскую, в которой нашли несколько старых шашек, толпа бросилась строить баррикады: рубили телеграфные столбы, валили киоски, протягивали проволоку. На баррикадах мужественно умирали их обезоруженные защитники Из окон домов в казаков и солдат бросали бутылки, камни, а у кого были револьверы,—стреляли. Та же толпа руководимая теми же социалдемократами, захватила типографию, в которой была наскоро набрана и отпечатана небольшая прокламация, призывавшая рабочих к оружию, а затем разгромила полицейский участок, разоружая попадавшихся по пути офицеров и городовых.

Но это был единичный случай вооруженного отпора. В общем же в этот день происходило массовое избиение беззащитных людей.

Несмотря на все принятые меры к недопущению народа на Дворцовую площадь, толпа медленно и упорно, заливая близлежащие улицы, продвигалась к Зимнему дворцу.

Народ заполнил всю площадь и масса людей постоянно пополнялась новыми толп.

Многие забрались на деревья и решетку Александровского сада, в числе их много было детей. Толпа была настроена мирно и никто не ожидал нападения.

В толпе ходили смутные слухи о расстрелах, происходивших в рабочих районах, но никто им не хотел верить.

Между тем царя, не было и потому охватывало нетерпение, но все же решили ждать. Кто-то обратился к офицерам с просьбой убрать войска и в ответ было предложено толпе расходиться угрожая стрельбой. Рабочие в ответ кричали, что пришли искать правды. пусть стреляют.

Вдруг выделилась рота Преображенцев, выстроилась и по команде стала стрелять.

Люди падали, корчились в судорогах, молили о помощи, слали проклятья солдатам и царю. Несколько человек, сидевших на решетке сада, пронзенные пулями, висели на ней; много детей, игравших в саду, погибли от пуль.

Между тем, солдаты продолжали стрелять и повернувшись в несколько оборотов, стреляли по всем направлениям.

В перемежку с огнем, пускалась в ход конница, которая кидалась на безоружную толпу, теснила ее, рубили шашками, добивала раненых, не давая публике подбирать их и оказывать помощь.

Настроение толпы резко изменилось. Паники не было, пуль не боялись. В ответ солдатам кричали: „Ура! победители!“ Толпа подбирала раненых и заставляла солдат снимать шапки перед убитыми.

От веры в царя ничего не осталось. На каждом перекрестке только и слышно было: „Нет у нас царя“, о царе говорили со страшной ненавистью.

Вместо мирной, верившей в царя, толпы была прозревшая, революционная масса, готовая на все, но она была безоружна и ничего не могла сделать.

Только к вечеру успокоился город, погрузившись в мрачную тишину.

Следующие три дня избиение продолжалось. Избивалось, главным образом, студенчество специально сорганизованными черносотенными бандами, действовавшими под руководством казаков, полиции и дворников.

Общее количество жертв исчисляется приблизительно от 150 до 200 убитых, и от 450 до 800 ранеными, всего от 800 до 1000 человек.

Правительство приняло все меры чтобы скрыть количество пострадавших и в своих официальных документах значительно преуменьшало их число, поэтому точных цифр не установлено.

Полиция стремилась скрыть следы своего преступления: убитые хоронились тайно, не выдавая трупов родным и не допуская публичных похорон. Только за Нарвской заставой, рабочие сами хоронили жертвы 9 января и на могилах произносились горячие политические речи.

Так кончилась несчастная попытка петербургских рабочих искать правды у царя.

IV.

День 9 января произвел колоссальный сдвиг в сознании русского пролетариата. Царские пули прояснили его сознание в этот исторический день. „Нет у нас царя", единодушный, негодующий клич, пронесшийся по улицам Петербурга и из миллионных уст всего российского пролетариата. Из конца в конец пронеслась стачечная волна, захватившая до миллиона человек. Не только ненависть к царю овладела массами, но неудержимое стремление уничтожить, сокрушить кровавый самодержавный строй.

Социал—демократия решительно завоевывает все передовые позиции среди пролетариата и больше не остается места для существования всяких „Союзов" и тому подобных провокационных затей охранного отделения. Спрос и интерес к социал-демократической пропаганде огромный, и организации чувствуют себя бессильными удовлетворить запросы широких пролетарских масс. Экономическая борьба рабочего класса уступает место политической борьбе и ряд за рядом, вспыхивающие во всех концах стачки, наконец, превращаются в гигантское революционное пламя достигающего своего высшего напряжения в октябре 1905 года.

День 9 января революционизировал не только пролетариат. Трусливая либеральная интеллигенция, думавшая жалкими словами остановить кровопролитие, отходит назад и на ее место выдвигается радикальное крыло интеллигенции которым выступление рабочего класса показало его истинное место, в первом ряду российского общественного движения.

И промышленная буржуазия, вчера еще верившая во всемогущество полицейской нагайки, разочаровалась в ней, увидев ее бессилие остановить волнения рабочих и крестьянских масс и надевает на себя либеральную личину, становясь в ряды оппозиции самодержавно-полицейскому строю.

Вся страна, после 9-го января, втянулась в борьбу и полным ходом мчится к революции.

Молодой большевик.

Памятный день.

Всего несколько недель прошло от 9-го ноября, днем германской революции и январским восстанием спартаковцев в Берлине. За эти несколько недель успела с достаточной ясностью выявиться, „почтенная" роль защитников и, верных до гроба стражей буржуазии, которую играет германская социал-демократия. С неменьшей ясностью поняла эту роль и буржуазия, которая с остервенением на первый взгляд непонятным, поддерживала правительство Шейдемана-Эберта-Носке, именовавшее себя „социалистическим".

Небольшая группа коммунистов—спартаковцев во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, ясно поняла эту предательскую, по отношению к рабочему классу, роль, и направила все свои усилия на организацию кадров пролетариата и подготовке их к свержению социал-предательского правительства и установлению диктатуры пролетариата. Партия независимых и металась между коммунистами, выставив на своем знамени „Диктатура Пролетариата". и социал-демократией, делегировав в правительство своих представителей. Рабочий класс, стихийно примыкавший к пролетарско-диктатурской программе, оказался разрезанным на три части, между которыми велась неутомимая борьба, и этот то раскол рабочего класса, отсутствие в нем единства по основным вопросам, привел его к поражению в первой стадии германской революции и к установлению руками Носке—Шейдемана наемной диктатуры буржуазии.

Январские события были тем моментом, когда рабочая масса, стихийно выступила на улицу против буржуазии и буржуазного господства, имея впереди себя небольшую группу Спартака. „Социал-демократическое правительство, передало полномочия „железному Носке", которому и привелось проявить все свои способности патентованного палача.

Чем руководилась социал-демократия, устроившая кровавую баню на улицах Берлина?

Теми же мотивами, которыми она руководилась во время своей продолжительной социал-предательской карьеры, начиная с 1914 года.

Превратившись в „социал демократов его величества" Вильгельма они в продолжении импералистической войны верой и правдой служили ему и империалистической буржуазии Германии, написав на своем знамени вместо прежнего „Пролетарии всех стран, соединяйтесь"— Дейтшланд, деитшланд юбер алес" „—Германия превыше всего". Германию империалистическую, грабительскую, Германию Брестского договора, родину германскую буржуазии они отожествляли с родиной для рабочего класса. Поэтому в момент поражения германского империализма на фронте, они, с усердием достойным лучшего применения принялись спасать своих провалившихся господ.

Испугавшись грозной победительницы Антанты, германские социал-предатели выпустили из крепости Карла Либкнехта, который был крайним противником империалистической войны. Когда же. Карл Либкнехт, своей необычайной энер

К. Либкнехт.

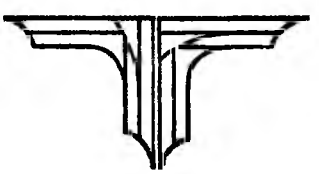
гией с которой он вместе с Розой Люксембург организовывал пролетариат для свержения и уничтожения капитализма, стал угрозой для хозяина социал-предательских партий — для буржуазии, то они решили убить их.

После зверского убийства этих двух лучших вождей международного коммунизма, социал-предатели всенародно доказывали свою невинность в этом деле и ссылались на то, что такого приказа они не подписывали. Что это было — политическая наивность или политическое лицемерие? Мы не настолько глупы чтобы подозревать Шейдемана—Эберта в наивности, а всей своей деятельностью они доказали, что свято собираются охранять покой и собственность своих господ. Для этого они оставили армию в руках старого офицерства, для этого они смещали Берлинского полицей — президента независимца Эйхгорна, что и послужило непосредственным поводом к январьскому восстанию—спартаковцев.

После нескольких дней ожесточенной баррикадной борьбы, Спартаки были разбиты и потеряли своих вождей. Что же делали независимцы в момент борьбы? В то время как рабочие — независимцы сражались и умирали вместе со Спартаками за диктатуру пролетариата, жалкие вожди этой партии пытались примирить непримиримое. Социал-предательское правительство использовало момент переговоров для организации и вооружения офицерских и фельдфебельских банд и когда сочло себя готовым к кровопусканию, вытолкнуло „миротворцев" в шею и засучив рукава взялось за расправу.

Но история чрезвычайно капризная штука. Буржуазия с помощью социал-предателей пережила тяжелое время и теперь уволило своих приказчиков на покой, предоставив им на свободе вспоминать о той гнусной роли которую они сыграли. Независимцы по пути от диктатуры Носке к правительству Стинесса-Куно растеряли свои революционные фразы и покаявшись вернулись в лоно социал-демократии Но вместо маленькой кучки Спартаковцев мы имеем сильную и закаленную в боях коммунистическую партию Германии, которая завоевывает рабочий класс и, создавая единый фронт с революционными рабочими, готовит мстителей за преждевременно погибших Розу Люксембург и Карла Либкнехта. И эта месть в первую очередь падет на головы социал-предательских партий и их вождей.

Д. Вильнин.



Из прошлого.

В тайной типографии.

Когда я приехал в Ярославль, в начале 1905 года, то поселился в комнате на Рождественской улице, в доме Кобякова.

Со мной жил какой-то лицеист-студент из г. Макарьева, Нижегородской губ.

Сожители же мои оказались неподходящие.

Сам Кобяков, домохозяин, как я предполагаю, был тайным агентом полиции, а один из его крартирантов служащим охранки, который в 1908 году в г. Витебске производил у меня обыск, одетый в форму околоточного надзирателя; служил ли он тогда в Витебской полиции или был командирован специально для выяснения моей личности и других товарищей—сказать не сумею.

Разумеется такое соседство мне „не улыбалось".

С помощью товарищей, в частности студента Демидовского юридического лицея Магистрова, мне удалось найти комнату, довольно изолированную, в „Таборах" на Пятницкой улице, в доме Годнева. Хозяйкой моей был, до некоторой степени, „свой" человек,—Люд. Тим. Васильева, занимавшая особнячок, своеобразную пристройку, к двухэтажному дому Годнева. В начале Мая она с семейством уехала на дачу в с. Смоленское и я стал „полновластным" хозяином особнячка. Вскоре уехал куда-то в Костромскую губ. и домохозяин Годнев, преподаватель, кажется, духовного училища, и в его двухэтажном доме, осталась только кухарка „Паша" или „Палаша". Дом был обнесен высоким палисадником и занимал довольно удобное „стратегическое" положение. Разумеется мы воспользовались этим и „использовали" его во всех видах.

Помимо того, что у меня был „кружок" за Волгой, в Тверицах, на ст. Урочь, о чем довольно подробно рассказал тов. Есюков в № 2, журнала „Красные Всходы", и „военный" я предоставил свою квартиру для явок. Являлись не только пропагандисты, агитаторы, организаторы, но и „техники". Даже иногда ночевали „профессионалы": „Федоров", „Григорий", „Станислав" и др. Можно сказать, что почти вся организация, за исключением единичных товарищей перебывала в этом доме.

Однажды в июньский вечер, возвратясь из заволжского кружка, я спокойно „кейфовал" и намеревался уже отходить ко сну, когда раздался тревожный звонок.

„Пришли" моментально возникла мысль...

Запрятав впопыхах все „нелегальное" я пошел отпирать... Звонок настойчиво дребезжал.

Взволнованный, открыв дверь, я увидал не „архангелов", а юное личико, смущенное и тревожное. Лиц.

—Николай! Мы к вам привезли три корзины шрифта... За типографией слежка,— может провалиться, задыхаясь и смущаясь бормотала Лия.

„Сумасшедшие! Вы хотите провалить всю организацию,—у меня, ведь, знаете явочная квартира, — не пущу“, грозно отшарировал я.

— Некуда девать?! Александр приходил вас предупредить об этом, но не застал дома. Не на улице же оставлять, чуть не плача, виновато твердила она.

А комитет знает о таком вашем поступке вопрошал я.

—Пока нет, но сообщим сегодня-же.

Я смиловистился и пошел за корзинами. А она, подпрыгивая, шептала: корзины тяжелые, извозчик случайный не свой, мы вам поможем унести.

—Ни под каким видом—грозно и грубо бросил я.

Выйдя за калитку, я увидал Соню, стоящую около пролетки и оберегающую корзины.

Подойдя к козлам, я спросил Соню благополучно-ли они доехали из Костромы. И еще задал несколько наивных вопросов, а затем, взяв корзину, потащил ее довольно свободно.

Лия бросилась за мной, как курица наседка за своими цыплятами бросается, видя опасность, но я молчаливым кивком головы выразил, повидимому, такую пантомиму, что она сразу осела.

Таким же порядком перетащил и остальные две корзины.

„Мои девочки“ после этого, развеселились и начали без умолку щебетать.

—А мы думали, что здесь, с переноской влопаемся, извозчик заметит, что корзины тяжелые и заподозрит что-нибудь неладное.

Узнав все подробности, мы выработали дальнейший план действий.

Так как кухарка Годнева видала, что приехали барышни с корзинами, им необходимо здесь ночевать, а так же нужно сообщать, что перевезли благополучно и чтобы завтра явки не было.

Поэтому одна из них отправилась сообщить об этом, а затем должна обратно притти.

Два дня наблюдали, есть-ли слежка за моей квартирой, но так как оказалось все благополучно, то барышни гостьи с корзинами, но набитыми уже другим материалом, отправились дальше путешествовать, а ко мне явились „техники“: „Петр“ и, кажется, „Шура“ и, занялись разборкой шрифта, а вскоре у нас стала действовать типография, выпуская прокламации.

Утром я уходил на службу, запирая своих гостей на замок, а они действовали во всю.

Помню с какой любовью и радостью „Петр“ и „Шура“ смотрели на плоды своих рук, первую прокламацию, в техническом отношении вышедшую очень удачно.

По возвращении моем со службы, „Шура“ набивала свой бюст прокламациями и уходила полногрудая.

„Петр“ иногда оставался ночевать...

Мне бы не следовало ходить в кружки, по конспиративным соображениям, но я продолжал вести обычный образ жизни.

Вскоре как-то явилась и моя хозяйка проведать меня и выразила что как будто у меня пахнет типографской краской...

На это я ответил, что окна открываю очень редко, а покупаю свежие газеты, вследствие этого по всей вероятности, и воздух такой.

Она выразила сожаление, что я редко проветриваю и пообещалась почаще заходить, но я успокоил ее, заверив, что если она желает, то буду чаще проветривать помещение, чем ей утруждать себя, заходя за таким ничтожным делом.

И наша типография работала при такой обстановке вплот до осени, пока не перебралась из села Смоленского Люд. Тим. Васильева.

„Петр“ крестьянин Тульской губ., Епифан кого уезда, фамилия Сухов, —л гальная ли это фамилия сказать трудно, а „Шура“ из города Велижа, Витебской губ.

Где вы теперь товарищи? Вспоминаете ли описа ное мною, или пали жертвой искупительной, в борьбе роковой.

В. Колчаков.

P. S. Дом Годнева а равно и Кобякова, где я проживал ранее, во время белогвардейского мятежа в Ярославле уничтожены до основания. Дом Годнева в „октябрьские“ дни в 1905 году, в частности квартира Е. В. Пашковского, поселившегося осенью того же 1905 г., служила „фортом Шабролем“, а сам хозяин вечерами ходил на разведки и приносил новости.

В. К.

ЗАСАДА.

(11 декабря 1905 г. в г. Ярославле).

После 17 октября 1905 г. часть интеллигенции, а равным образом и еврейства, начали понемногу отклоняться вправо, что наблюдалось и в нашей Ярославской организации с.-д. (больш.). У товарищей евреев появилась тяга к „Бунду" еврейской с.-д. организации; особенно это рельефно вылилось на наших „техниках" и организаторах, почти сплошь состоявших из такого элемента.

Поэтому приходилось очень много дебатировать и обсуждать этот вопрос в частных беседах. Лично я, а также товарищи „Максим" (Михаил Абрамов, по достоверным данным, недавно мною полученным, казненный царским правительством в ЦО) и „Павел" (Королев Павел, служит в Цектране теперь) избрали об'ектом своих воздействий, товарищей из Велижа, Витебской губ., Симу, Аню, Лею, Лию и др., у которых и собирались по вечерам. Впоследствии попозже стал бывать и Гриша Дон, а также и Аня Хотень.

Разумеется, не лукавя и немудрствуя, нужно признаться, что помимо этих причин воздействия, играли и другие, свойственные юношескому возрасту... И вот таким манером мы собирались у них почти ежедневно по вечерам. Также собрались и 11 декабря после, описанных мною, похорон товарища Макарова.

Мне предстояло итти на явку военной организации к Лбовскому, куда должны были собраться все товарищи, работающие там, для выяснения и намечения плана дальнейшей работы. Нужно добавить, что на работу среди солдат наша организация стала обращать сугубое внимание, а выражаясь по нынешнему работа среди гарнизона признана была, „ударной". Весной действовали только два солдатских кружка: один „писарской" команды, а другой „конвойной", как наиболее развитые и восприимчивые.

Но постепенно работа развернулась и к 11 декабря достигла порядочных размеров.

У Лбовского мы собирались уже неоднократно. Потолковав, почитав свежеполученных газет, я заторопился уходить. Меня не отпускали, отговаривая желанием еще побеседовать. Таким образом в перекорах и спорах прошло добрых полчаса. Отправясь к Лбовскому и подойдя я ничего не заметил ни около калитки, ни в сенях.

Отворив дверь в квартиру, я увидал полнейшую темноту и тишину. Чиркнул спичку — никого, окликнул ни звука... Сообразив, что, повидимому не все здесь обстоит благополучно, я вышел и в сенях вновь осветил спичкой, но никого не заметил. Вышел из дома на двор, со двора на улицу, огляделся никого нет. Осторожно, не торопясь, пошел прочь, везде осматриваясь, но ничего и никого подозрительного не замечая.

Пройдя по нескольким, лишним кварталам и видя, что никакой слежки нет, я отправился на прерванную час тому назад беседу и об"явил, что так обстоит дело.

Вскоре после этого пришел Шура и сообщил, что собравшиеся у Лбовского арестованы, но главные работники все целы, т. к. предатель поторопился придти раньше.

Этот арест Лбовского и представителей солдатских кружков внес большое замешательство в нашу работу среди гарнизона, но основное ядро осталось цело. Писаря почему-то не пришли и благодаря этому уцелели, а из конвойной команды поопоздали и с ними случилась такая же оказия, как и со мной. Между прочим говорили, что была оставлена засада, но почему она бездействовала, осталось секретом.

В. Колмаков

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ.

(посвящена 9-му Января).

Приказ по войскам гвардіи.

Г. г. офицеры гвардіи! В то время, когда почти вся моя армія в неудачах и тяжелых потерях, борясь с сильным, смѣлымъ и вооруженным врагам, в полном порядке отступает, вы здѣсь в моей столицѣ, на глазах всего цивилизованного міра, сумели поддержать честь и славу не побѣдимых „северных богатырей".

СЛАВА ВАМ!

С гордым чувством следил я за вашими подвигами, весь народ преклонится перед вашею доблестью, уверенный в своей безопасности; сытые, тепло одетые, прекрасно вооруженные, вы, без всяких колебаній совѣсти, повели ваших солдат на борьбу с толпами беззащитных, голодных и холодных рабочих, с их женами и дѣтьми. Вдали от родины легли костьми за государево дѣло их братья, сыновья, отцы, исполненные благоговейнаго чувства к родинѣ и вы достойным вас образом поняли павших героев, встретив залпами их братьев, пришедших ко мнѣ искать защиты и помощи.

СЛАВА ВАМ!

Враг ваш был безоружен и слаб, но, не щадя жизни и крови противника, вы с неослабляемой энергіей страшно избивали его. Вы вышли побѣдителями из цѣлого ряда сражений, но ваш первый подвиг, когда вы у Троицкого моста в упор разстрѣливали женщин, заставит содрогнуться не одно трусливое сердце. С каждым часом ряды врага таяли, но вы, убѣдившись в его безсиліи причинить вам хоть малѣйшій вред, с воодушевленцем бросались все в новыя атаки и совершили до конца великій подвиг, стяжявщій вам безсмертную славу. В эти, отнынѣ историческіе, дни вы навсегда возстановили честь гвардейского мундира, так позорно запятнаннаго вашими предками 14 дек. 1825 г. Твердо вѣря, что настанет час, когда Россія сумѣет достойно почтить вас, герои! Я первый привѣтствую вас!

СЛАВА ВАМ!

НИКОЛАЙ

Царское Село 16 янв. 1905 г.

Из „С". П. Г. „С.-О."

Начальник Вологодского Губернского Жандармского Управления, Астафьев, 26 апреля 1905 г. отправил Прокурору Вологодского Окружного Суда за № 1104 и в Департамнт Полиции за № 1105 аналогичные бумажки, секретного содержания:

„В ночь на 22 сего апреля, в разных местах города Вологды были расклеены на щитах для об“явлений гектографированные на $^1/_2$ листа бумаги „Приказ по войскам гварди“ 2 экземпляра и, на $^1/_4$ листа бумаги, революционная песня „отречемся от старого мира...“ 11 экземпляров, то и другое противоправительственного содержания. Кем были распространены эти прокламации осталось незамеченным. О вышеозначенном сообщаю В. Выс-дию. присовокупляя, что по этому делу производится негласное расследование“.

Подписал и верно:

Полковник *Астафьев*.

О продлении жизни.

„Все люди смертны"—старая поговорка, но есть и более решительные определения—все смертно и люди, животные, растения и звездные миры. Насколько справедливы эти утверждения? Люди, животные и растения с годами изменяются: силы человека и животного ослабевают, тело горбится, волосы седеют, зубы изнашиваются и выпадают; у растений старость проявляется меньшим количеством ветвей, большей их оголенностью, дуплистостью ствола и пр. Изменения, описанные нами у людей и животных, называются старческой атрофией (атрофия – исхудание, истощение, постепенное исчезновение органа или его части). Организмы в преклонном возрасте, начинающемся в разные сроки у разных особей и видов, становятся мало выносливыми к вредным влияниям и гибнут от разных заболеваний, даже таких, с которыми они в расцвете сил легко справлялись, напр., часто умирают люди пожилого возраста от инфлюэнцы, воспаления легких и проч. До последнего времени люди не задумывались над вопросом насколько смерть организмов, является естественной, обусловленной внутренним развитием их и насколько вынуждено внешними причинами. Смерть от истощения лет 20 назад еще считалась естественной смертью. Между тем, ближайшие и точные исследования, говорят, что большинство случаев, якобы естественной смерти, не являются таковой, а можно рассматривать, как случайные. Сама продолжительнесть человеческой жизни от средних 60 – 70 лет до 150 – 160 говорит за то, что современное человечество умирает, далеко не достигнув естественного предела своей жизни. Касаясь продолжительности жизни животных, мы видим еще большее ее колебание между микенмумом и миниумом. Продолжительность жизни растений также различна от одного года и менее, и до нескольких тысяч лет (баобабы, кипарисы).

Человечество с давних времен изыскивало способы продления жизни. Многочисленные опыты алхимиков, направленные к отысканию философского камня, превращающего простые камни в драгоценные, исцеляющего болезни и способствующего продлению жизни, были более разумны, чем первые решения задачи еще слабого во всех отношениях человечества, путем перенесения продления жизни с земли на небо (в рай) и продления жизни не тела, а души.

Первая научная попытка продления жизни (омоложение) была сделана известным французским ученым Броун Секаром, который в 1889 г., 1 июля, сообщил, „что вытяжка из семенных желез животных резко поднимает физические и духовные силы человеческого организма". Сообщение оказалось правильным, в основном, и дало направление научной мысли к изучению внутрен-

ней секреции желез. Что такое вообще секрет и секреция? Секрет—продукт жизнедеятельности желез, а секреция выделение его через специальные протоки (трубочки). Примеры: слезные железы, выделяющие слезы, слюнные—слюны, желудочные желудочные соки и т. п. Но у людей и животных имеется ряд желез, которые не выделяют своего секрета. Долгое время поэтому не знали и есть ли такой секрет и какое значение имеют железы. Назначение секрета желез с наружной секрецией было ясно: слюна и желудочные соки участвуют в переваривании пищи, слезы омывают оболочки глаза и т. д. Работы Б. Секара, его учеников и последователей выяснили, что многочисленные железы, не имеющие протоков, тем не менее вырабатывают и выделяют свои секреты, но не через протоки, а непосредственно в кровь. Выяснилось, что значение для организма таких желез с внутренней секрецией, как гипофиз, щитовидная, зобная, надпочечные, семянные железы, громадно. Примеры: если заболевает щитовидная железа или она удалена путем операции, то развиваются тяжелые болезненные явления, называемые Базедовой болезнью (зоб, пучеглазие, учащение деятельности сердца и др.) кретинизм, отек кожи и проч. Все эти явления излечиваются, если давать такому пациенту препараты щитовидной железы от животных.

Из щитовидной железы химически извлечен препарат, так называемый тиреоидин. Удаление маленьких пара-щитовидных желез влечет за собой сильное повышение температуры и смерть от судорог. Усиленное действие этих желез вызывает параличи. Заболевание надпочечных желез влечет за собой бронзовую окраску кожи, слабость сердца и расстройство его деятельности, а в результате смерть, через 1—3 года от истощения. Болезнь эта называется Аддисоновой, по имени открывшего ее ученого. Из надпочечных желез выделен химический препарат Адреналин, оказывающий сильное сосудосуживающее действие при своем применении.

Секрет мозгового придатка иначе гипофиза, находящегося у основания мозга, возбуждает в раннем возрасте явления роста. При повышенной деятельности его кости сильно растут в длину, получается так назыв. гигантизм, - иначе акремоголия, при недостаточной же деятельности происходит остановка роста и животные и люди получают карликовые размеры.

В 1916 г. из переднего отдела гипофиза выделен препарат тетлин. При впрыскивании его под кожу животным рост тканей значительно усиливался, жизненное напряжение их становилось больше.

Укажем еще на роль семенной железы. Эта железа кроме внутренней секреции имеет и наружную, вырабатывая и выделяя семя. Секрет, иначе гормоны, выделяет пубертные части семенной железы. Если половые гормоны, вследствие преждевременной деятельности пубертной железы, начинают поступать в кровь, то наступает ранняя (даже в пять лет) половая зрелость с развитием вторичных половых признаков. При развившемся, скажем у 25 летнего мужчины, недостатке половых гормонов, (наприм. при удалении семенных желез), начинается исчезновение вторичных половых признаков, как-то: выпадение волос на теле, а также бороды и усов, дряблость мышц, ожирение, упадок душевной деятельности. При операции, сделанной в раннем возрасте, вторичные половые признаки совершенно не появляются, например, это происходит у кастрированных (отсутствие бороды, усов, ранние морщины, гортань на $^1/_3$ меньше, чем у нормального человека, высокий голос). Само собою, разумеется, что не развивается и любовь к другому полу.

В половых органах женщины также имеются железы с внутренней секрецией, действующие на развитие вторичных половых признаков женщины также могущественно; как и мужские гормоны на мужчин. Но гормоны мужские отличны от женских - мужчина химически другой, чем женщина.

Влияние гормонов пубертной железы на все тело иллюстрировано опытами известного венского ученого Штейнаха, который, вырезывая у самцов крыс семянные железа, пересаживал им их на брюшину или под кожу яичники

(женские половые железы), достигал этим развитием у таких самцов женских вторичных половых признаков, и приостановки развития мужских и наоборот, самка, лишенная яичников, но снабженная путем прививки мужскими семенными железами, приобретает вторичные половые признаки самцов. Например: курицы приобретали оперение, гребень и всю психологию петуха, вплоть до пения „кукуреку", а петухи, которым были пересажены яичники кур, приобретали невзрачный вид этих последних.

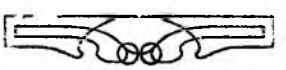
Штейнах и русский ученый С. Воронов, работающий в Париже, принимая во внимание могучее влияние на весь организм половых гормонов, построили теорию старения организмов от недостаточной деятельности пубертной железы и омоложения их путем усиления их деятельности. Штейнах достигал в опытах на крысах усиления деятельности пубертной железы двумя способами: или перерезанием семя-провода, отчего получалась ускоренная деятельность клеток, вырабатывающих гормоны, и их разростание, или прививкой старым крысам семенной железы от молодых животных. Привитая железа в большинстве случаев отлично приживала и получалось омоложение организма (усиление аппетита, новая густая шерсть, усиление полового влечения и возобновление способности к деторождению и т. д.). В общем получалось у Штейнаха продолжение у крыс жизни на $^1/_4$, т.-е. если животное умирало обычно, прожив 32 месяца, то после операции проживало на 8 месяцев больше, т. е. 40 месяцев, Воронов достигал таких же результатов на баранах. Штейнахом было поставлено несколько опытов на людях с хорошими результатами, но не всегда постоянными. Способ омоложения, применявшийся на людях - у мужчин сводился к перерезке семя-проводов, у женщин к действию рентгеновскими лучами на яичники, отчего получалось усиленное разростание клеток, вырабатывающих гормоны.

Способ Штейнаха пересадки желез от молодых к старым на мужчинах не всегда применим, а на женщинах не применим, за недостатком материала.

Говорят, что Воронов имеет ввиду пересадку старым людям половых желез обезьян, но это пока еще только проэкт.

(Продолжение будет).

Ермолаев



Несколько цифр.

(Продолжение.)

В предыдущих строках в силу необходимости приходилось оперировать с терминами: „богатый“, „бедный“ и т. п., как будто человеческое общество делится единственно по признаку полноты „мошны“. Дело в том, что цифры взяты у прежних буржуазных ученых, которые подходили с этой наивной и неверной меркой к анализу процессов происходящих в человеческом обществе.

Теперь постараемся в общих чертах проследить *относительную* смертность среди класса пролетариата по его профессиям, в тех областях работы, в которых затрачивается его труд, где к прибавочной стоимости он приплачивает свое здоровье и жизнь. Сравним для этого относительную смертность пролетариата с представителями одной из групп буржуазного класса, хотя бы с представителями тунеядствующего и не обремененого никакими общественно-полезными делами—духовенства.

В момент написанья этой статьи у нас, к сожалению, нет под руками цифр, касающихся России. Поэтому, воспользуемся таковыми для Англии. Несомненно, что различий больших в этих цифрах между Россией и Англией не будет, т. к. ранее мы видели что %% смертности в разных странах среди „бедных“ очень близки между собою.

Английский гигиенист, доктор Огль,*) приводит для этой, наиболее благополучной в экономическом отношении страны, такие цифры смертности пролетариата по сравнению со смертностью духовенства. Если принять цифру смертности у *духовенства за 100*, то смертность пролетариата по профессиям будет такова:

У земледельческих рабочих в.	126 ч.
У плотников	148 ч.
У рабочих угольных копей	160 „
У сапожников	166 „
У кузнецов	175 „
У рабочих шерстяных фабрик.	186 „
У наборщиков	193 „
У рабочих хлопчато-бум. фабрик	196 „
У рабочих стекольных заводов	214 „
У металистов	229 „
У рудокопов	331 „
У прислуги в гостинниц. и рест.	398 „

Цифры эти очень ярки, из них ясно видно, как платится пролетариат своею жизнью при тех общественных отношениях, которые существуют в классовом обществе *прогрессивных и демократических* (в ковычках) государств. И „культура“, классовых, „демократических“ и прочих государств, для класса буржуазии, для капитала, а для пролетария—хлопчато бумажная и иная пыль заводов глухота, отравление свинцом, тяжесть подземной работы в шахтах, усиленная смертность, ослабление организма, туберкулез, вырождение...

Теперь перейдем к тем законам наследственности, о которых мы вначале хотели говорить.

В подробности этого вопроса в этой статье, вдаваться не будем, об этом побеседуем в другой раз, а тепер остановимся лишь на общих ее законах.

*) Пр. Каблуков. Статистика. М. 1922 г

Проф., доктор Баур*) говорит, что „наследуется всегда только определенный, специфический способ реакции на внешние условия, и то, что мы воспринимаем нашими чувствами, как внешние качества, является лишь результатом этой реакции на случайное сочетание внешних условий, в которых как раз и развивается исследуемый индивид". И действительно, как указывают наблюдения, мы знаем, что передается по наследству от родителей к детям, напр., не самый туберкулез, сифилис или алькоголь, а та или иная способность организма реагировать на яды этих болезнетворных, ослабляющих организм начал. Туберкулез, алкоголь и др. ослабляют организм, расстроенный тяжелыми условиями работы и эта ослабленность и восприимчивость к заболеванию туберкулезом и передается по наследству к детям. Так обстоит дело.

Чтобы яснее представить себе закономерности при наследственной передаче тех или иных признаков, обратимся к некоторым примерам из мира растений и животных. К. Корренс в своей интересной книжке „Новые законы наследственности" приводит такой пример. Если скрестить два сорта — темно-розовый и белый, одного американского растения—„Мирабилис Ялапа",—и полученные от этих скрещенных растений семена, на следующий год высеять — то в результате, из семян взятых помесей мы получим потомство не с белыми или темно-розовыми цветами, а с светло-розовыми—т. е. растения с промежуточным как бы признаком. Теперь, если семена этого поколения светло-розового гибрида вновь высеять, то в этом втором поколении мы получим растения с троякого рода цветами: светло-розовыми, темно-розовыми и белыми.

При чем отношение этих потомков будет таково: светло-розовых—50 %, белых—25 %, и темно розовых—25 %, таким образом, во втором поколении гибридов мы увидим у части экземпляров свойства дедов, первоначальных родителей гибридов.—Это выявление дедовских свойств, у потомков носит название „расщепления признаков". Теперь продолжим наш опыт. Семена второго поколения (внуков) вновь высеем. И мы получим такую картину: от белых внуков — мы получим чисто белых правнуков — все 100 %, от темно-розовых — 100 % темно-розовых, а от светло-розовых — 50 % светло-розовых, 25 % темно-розовых и 25 % белых.

И сколько бы мы дальше не продолжали наш опыт — со светло-розовыми мирабилис, отношение потомков у светло розовых экземпляров останется то же, т.-е. 1, 2, 1 или 25 %, 50 % и 25 %.

К об'яснению этого явления мы и перейдем в дальнейшем.

(Продолжение следует).

И. Перфильев.

*). Введение в экспериментальное изучение наследственности. СПБ. 1913

О РАДИО МУЗЫКЕ.

Концерты инженера Термена представляют интерес в двух отношениях: во первых, здесь мы имеем дело с новым техничнским применением электрического тока колебательного характера, а во вторых инструмент сам по себе заслуживает внимания музыкальных кругов по своеобразной конструкции своей и тем перспективам, какие могут открыться в связи сего применением.

В радио-телеграфии уже давно применяются замкнутые цепи проводников, в которых могут возбуждаться электрические токи колебательного характера, т. е. электрический ток пробегает в них попеременно то в одном, то в другом направлении, при чем, в течении одной секунды таких изменений направления тока может быть несколько тысяч и более.

Основная часть прибора Термена-это две таких цепи, настроенные в униссон, т. е. в той и другой цепи, число колебаний в секунду одно и то же. Обе они заключены в ящик и питаются током от аккомуляторов.

С одной из цепей соединен вертикальный стержень, возвышающийся над ящиком. Если к этому стержню подносить какие либо предметы или просто приблизить руку, то в соответствующей цепи меняются условия для электрических колебаний (как говорят, меняется емкость цепи) и вместе с тем меняется число колебаний в секунду. Униссон цепей нарушается; цепи, так сказать, расстраиваются Аналогичное явление можно указать из области звука: имеем два совершенно одинаковых камертона, дающих один тон, если к одному из них прикрепить кусочек воска, униссон расстраивается и мы слышим, так называемый, разностный тон, или биение.

Разница в электрических колебаниях и соответствует этим биениям.

По соседству с указанными выше двумя цепями расположена третья (она с ними индуктивно связана) в которой и возбуждаются эти электрические биения. При всяком изменении числа колебаний в первой цепи, в третьей возникают электрические колебания, число которых в секунду равно разности колебаний первой и второй цепи. Каждому положению руки соответствует определенное изменение числа колебаний первой цепи и, следовательно, определенные „разностные" колебания, возникающие в третьей цепи. В эту цепь включается телефон, на мебрану которого и действуют колебания. Таким образом, каждому „разностному" колебательному току соответствует определенный тон, издаваемый мембраной телефона: Такой длинной последовательностью явлений связаны звук мембрамы и положение руки

Движение руки заставляет издавать мембрану различные тона, а следовательно возможно воспроизвести и мелодию. Изменение силы звука достигается изменением силы тока в первых двух цепях. Телефон можно включить не только на столе, у прибора, но и где либо в другом месте и, таким образом,—передать музыку на любое расстояние. Если включить в эту цепь все телефоны города, то абоненты смогут слушать

не выходя из квартиры, музыку этого радио-аппарата.

Кстати, о самом названии, инструмента. Слово „радио“ в данном случае применено не совсем правильно. Под радио-аппаратами в настоящее время разумеют такие, которые действуют под влиянием электро-магнитных волн. Здесь же мы имеем дело только с колебательными токами.

В своей настоящей конструкции аппарат дает возможность воспроизвести мелодию и только, правда, звук получается очень полный и приятный. Является вопрос, возможно ли на этом аппарате брать аккорды более или менее сносные, возможно ли сыграть техническую вещь или только движением руки воспроизвести игру оркестра. Музыкальная техника этого аппарата еще не разработана, но уже и теперь заметно, что мягкость, полнота и приятность звука определяется движением руки. Если руку просто двигают, производя грубые движения, звук получается резкий, пустой. Если рука вибрирует, если она совершает более тонкие движения, звук приобретает характер звука виолончели или скрипки. Нет ничего невероятного в том, что сложные движения руки вызовут более сложные звуки—аккорды, игру оркестра и т. д.

Это дело будущего и то, что сделано за $1^1/_2$ года со времени изобретении аппарата дает основания надеяться на дальнейшие достижения в будущем.

Н. Шалауров.

О самообразовании комсомольцев.

1. Все ли благополучно?

Бодро работает Комсомол. Молодая энергия, уверенность в своих силах хлещет в каждой строке „Красных Всходов“. В этой атмосфере порыва, энергии и веры в себя порой забываются, ускользают от взора детальные недочеты и слабые места—эти темные пятна на ярко-красном боевом фоне. А ведь зорко следить за недостатками, не забывать о них—первое условие успеха дела. Известный враг не так уж опасен. Понять свою слабость—сделать первый шаг к ее исправлению. В чем же слабости?

Давно и много говорится о порыве к самообразованию, о широкой воспитательной работе... а в действительности этот порыв захватил далеко не всех комсомольцев. Невежество и поразительная политическая безграмотность членов союза—явление, к сожалению, далеко не редкостное. Хуже еще то, что такие малосознательные тт. попадаются не только из новичков, но и среди „стариков“. союза. Приходится сталкиваться с фактами, что члены К. С. М. (того самаго Р. К. С. М., который приводит в ужас православных старушек, сжигая богов на своих карнавалах) носят тайком и полутайком нательные кресты, посещают церковь и далеко еще не разрешили вопроса о „Творце вседержителе“.

Как ни больно, а надо сознаться, что найдутся среди комсомольцев и такие сторонники и сторонницы „свободной любви“, которых не отличишь от, проклятой памяти, (и треклятого нэповского воскресенья!) золотой молодежи. Социалистическая этика, товарищеское отношение к женщине и к девушке, как сотруднице в революционной борьбе—усваивается далеко не всеми.

Малограмотность и полная безграмотность—и техническая и политическая—больно отражаются на работе среди широких масс беспартийной молодежи. Недостаток знаний, неуменье связно и толково передать мысль, губит здесь все дело.

Когда то магический призыв: „товарищи... товарищи“ и т. д. потерял всю свою силу. Слушать не станут. Надо говорить о деле. В каждом докладе надо дать серьезное содержание. Каждая беседа должна дать, то чтобы пригодилось в жизни. Не может этого наш агитатор—ну и уезжает, не солоно хлебавши.

2. Надо приниматься за самообразование.

Все вышеуказанное тесно связано с недостаточностью работы по образованию и самообразованию. Конечно, массы комсомольцев должны пойти и пойдут в учебные заведения, но эта участь далеко не всех. Что в той или иной мере доступно каждому—так это самообразование. Вопросы политпросвет работы обсуждаются уж несколько лет на разных с'ездах и совещаниях (и партийных и союзных и внешкольных и др.), составляется масса планов, конспектов, программ, методических указаний. Выполняется же из всего этого скромная доля. Здесь наш

общий грех без конца постановлять, решать, вырабатывать... забывать и снова вырабатывать. Здесь надо вспомнить слова Влад. Ильича, что пора заняться „поверкой исполнения". Надо перенести центр внимания на проведение в жизнь планов и программ, на применение методик. Поменьше суждений, побольше дела. Чтобы не повторятся укажу здесь на свои статьи в Вестнике Волог. Губкома Р. К. П. за 1921—22 год. „Партийная этика и задачи внутри партийной воспитательной работы" № 9-й и „Год Учебы" № 10-й. Подсобной литературы всегда достаточно, на первое время, можно найти на местах. Постановка воспитат. работы имеет две стороны—общественно организованную и, связанную с ней, индивидуальную. В первой инициатива за союзными органами, во второй за каждым отдельным комсомольцем. Только при наличии той и другой возможен успех. Если с одной стороны—при отсутствии энергичных руководящих центров, без стройной организации задачи самообразования чрезвычайно затруднены—то с другой стороны—никакой агитотдел—будь он семи пядей во лбу—не сможет что либо сделать при полной пассивности массы.

3. Что делать руководящим органам Союза.

В первую очередь начать безпощадную борьбу с обломовщиной и хлестаковщиной. Убрать всех инструкторов, „организаторов", „лекторов"—ничего как следует не знающих, ничего как следует не умеющих. Раз'езжает такой из года в год—и все „организует". Зачастую он сам совершенно невинен в методических и даже сколько-нибудь серьезных политических познаниях. Он не удосужился прочесть серьезной книжки, (а и прочел—так не продумал). Вспоминается и печальный инциндент с организацией Губкомсомолом лекции по истории юношеского движения в Волог. совпартшколе I ст. Путь указан и здесь Влад. Ильичем: надо заняться подбором людей. Надо суметь выявить работников глубоко преданных ему, готовых на энергичную работу, работу параллельную с усиленным самообразованием. Подготовленных и квалифицированных найдется, конечно, мало. Дело не в этом—нужны способные—серьезно подготовляться, серьезно учиться. Нужны люди с инициативой, с чувством всей ответственности своей работы.

К зачету всех ответственных работников—к зачету политическому и методическому! За ушко да на солнышко „энергичных" и „деятельных" Обломовых! Надо набрать кадр раз'ездных инструкторов и поставить их в такие условия, чтобы квалификация повышалась, чтобы работая, они учились работать.

Поток все новых и новых схем, планов, программ несомненно следует сдержать, обратить главное внимание на проведение их в жизнь. Наладить проверку исполнения так же важно, как подбор людей. Оценивать работу не только с количественной, но и с качественной стороны. Пусть при отчетах прилагаются конспекты проведенных бесед, заметки самих слушателей о впечатлении. Лучший способ заставить учиться—это дать работу где потребуются знания. Пусть каждый рядовой комсомолец сдаст зачет, проведя 2—3 беседы—о порядке управления в волости, о земельном законе, о налогах, и т. п. с крестьянской молодежью, пусть он организует читальню и наладит получение и чтение газет. Да все это в действительности (а инструктор оценит, сам посмотревши работу)! Да ведь тогда и самый неповоротливый схватится за книжку.

Одновременно необходимо усилить и самую пропаганду самообразования. Здесь делается далеко недостаточно. Плакаты сравнивающие положение грамотного и неграмотного, их благосостояние; трагикомизм положения безграмотного в разнообразнейшие моменты его гражданской жизни, всемогущество сек-

ретаря волисполкома (знатока—„писаря"); таблицы и диаграммы влияния грамотности на постановку хозяйства; плакаты книг и писателей в библиотеках (пора заняться союзу этими умирающими биб-ми!) Инсценировки: „неграмотная (главное негр-я политически) у мирового" (беспомощность гражданки—соблазн для „представителей правосудия"), „тоже грамотный„ (подписал сам не зная что, а теперь расхлебывай кашу), „Комсомолец за пропагандой" (начал да и заврался—насмешил! и и т. д. и т. д. Доклады о самообразовании, о выдающихся самоучках, их биографии. Песни и частушки (о, сколько их может породить молодежь!) со своеобразным крестьянским юмором о „незнайках".

Конечно, мало заставить учиться, надо и помочь учиться. Снабжение мест подходящей литературой должно составить предмет неусыпных забот союзных органов. Здесь нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Первое—наши издательства, начиная с госиздата—издают, а наши магазины продают массу таких книжек, от которых надо беречь молодежь, как от чумы.

И пока не настанет тот благословенный день, когда мы сможем уничтожить этот вредный мусор, (а об этом тоже пора заговорить по всей Сов. России)—до тех пор, вероятно, придется наряду со списками рекомендуемых книг—давать и списки книг безусловно вредных.

Второе—всякая хорошая и полезная книга—хороша лишь для определенного типа читателя. Различие не только в степени подготовки, в степени развития, но и в темпераменте читателя нельзя не принимать во внимание. Поэтому—давая литературу в ту или иную ячейку, надо знать ее состав. Только тогда можно надеятся, что книжки не будут лежать втуне.

Составление таких списков, как и подбор репертуара драматического для каждаго типа организации (с обязательным учетом сил и возможностей последней), составление вопросников (широко использовать Рубакина, анкеты свердловского Комм. университета и др.) для изучения психологии молодежи—все это должно войти в работу комиссий содействия самообразованию. Жизнь дает неисчерпаемый материал для инсценировок. Декламация, игры, пение—содержание клубной работы. Пора и „по зубам" традиционным играм наших вечеринок „бояре", „заварила теща квас" и т. п. пережиткам феодализма. О распространении новых игр (начиная с революционной карманьолы) придется тоже со всей энергией позаботиться. В рядах комсомола преобладают подростки, по отношению к которым клубная работа неизбежно будет на 1-м месте.

4. Что надо продумать каждому Комсомольцу.

Что же такое образование и самообразование, что такое образованный человек? Великая окт. революция поставила интеллигенцию перед грандиозным экзаменом и... сколько провалившихся! С аршинными дипломами, многолетними, многоучеными стажами люди оказались ненужными, неспособными понять жизнь. Воистину „от мудрых сокрыто и рыбаком дано уразуметь". И теперь развивается новое миропонимание. Коллективный труд—исходная точка нового познания. Не в дипломированной „мудрости" и не в прохождении целого ряда учебных и ученых заведений с зубрежкой толстых и тонких учебников—заключается образование. Понимание жизни, уменье работать используя и расширяя свои познания—вот истинная основа образованности. Знаток самообразования Н. А. Рубакин говорит: „Интелигентный человек—это такой человек, который настолько знает и понимает жизнь, и ее ход, и ее потребности, и ее нужды, что в любой момент может проявить себя их действительным выразителем". Для такой образованности надо затратить много

энергии. Здесь человек сам кует свое познание. Он активен. Поэтому в основу такого образования неизбежно ложится самообразование и самовоспитание, личное и коллективное усилие.

Для такой образовательной работы далеко не достаточно столь обычного „желанья учиться". Приходится встречать молодых людей с таким грошевым желанием, у которых оно проходит с первым же затруднением. Подвернувшаяся вечерника вышибает из головы мысль о книге. Часто здесь скрывается стремление к диплому и к теплому месту. В приемных беседах в Совпартшколу иные комсомольцы добродушно сознаются, что хотят „быть комиссаром", что „пошел учиться, чтобы получить место—все равно какое". Такие все хотят „поступить", обивают пороги совпартшкол и рабфаков, ищут „командировки", иной двои—трои курсы прошел и в четвертый раз начинает то же самое.

Близки к этому типу и лица, часто встречающиеся среди „работников". Они декламируют на вечерах, готовят плакаты, выступают со столь же длинными, сколь бессодержательными докладами, заседают в комиссиях... Но на большее они не способны. Продумать всесторонне и глубоко свой доклад, приноровиться к запросам и силам слушателей, дополнять свои познания вдумчивым и планомерным чтением—они не считают нужным или не могут. Кто это и что это?—Это чистейшая обломовщина, а герои эти—чистейшей воды обломовы, обломовы при всей их подвижности, развязности и „энергии". Никакие планы, методики и пособия не помогут—если нет главного—воли к самообразованию, решимости твердо и непрерывно им заниматься. Самообразование не игрушка, а труд, творческий, радостный—но труд. Оно требует планомерных и постоянных усилий. Это надо понять, над этим надо подумать. „Не в суд или во осуждение, но во исправление"... Так легко прочитать статью до конца (да и до конца ли?), затем побежать по другим, дальше—журнал в сторону и... забыть. Лежит он тихо и смирно... и все остается по старому „писатель пописывает, читатель почитывает". „Да минует чаша сия!" Пусть „Красные всходы" станут оружием коллективной мысли и товарищеского сотрудничества в деле самообразования!

Сущность трудового метода обучения и воспитания (равно и самовоспитания) в том, что знание приобретается путем осмысленного труда. Лучше всего человек знает то, что он умеет сам делать. Не тот хороший землемер, кто может на классной доске доказать теорему Пифагора и случай равенства треугольников, а тот, кто сумеет точно измерить участок земли; не тот хороший огородник, кто знает по книжкам ботанику и уход за овощами, а тот, кто сумеет их разводить с наибольшим успехом.

Поэтому всякое знание надо соединять с его применением в практике, всякую прочитанную книгу—продумывать сопоставляя ее с тем, что приходилось наблюдать в жизни. Не „книгоедство", не пробеганье одной книги за другой, а изучение их. Много значит выбирать книгу не только по силам, но и по характеру. Для людей с различным складом ума, различным способом суждения (индуктивный, дедуктивный) надо и различно написанные книги. Чем больше данная книга подходит для данного читателя, тем легче она понимается.

Лучше всего, приступая к самообразованию наметить определенный план, определить, что именно надо узнать. Примерных планов, используя которые можно составить свой—можно найти целый ряд в литературе по самообразованию.

При этом и чтение будет не случайное, а планомерное.

Для Комсомольцев имеется прекрасная возможность проверять, и повторяя, укреплять свои познания— беседы в ячейках о прочитанном.

В таких же беседах и докладах развивается и уменье владеть речью, передавать свою мысль другим. А ведь это необходимо для агитатора и пропагандиста. Из новой литературы по самообразованию, которую можно надеяться найти в уездах и отчасти в волостях слудует отметить книги: Н. А. Рубахин „Письма к читателям о самообразовании“, 2 „Практика Самообразования„, 3 „Среди книг“.

Н. Юдин.

От редакции: Не соглашаясь с некоторыми выводами автора, редакция, по настоящей статье намерена высказаться на страницах журнала, о чем просит и компетентных в этом вопросе товарищей.

Вопросы союзной работы.

I.

В жизни Российского Коммунистического Союза Молодежи за последнее время принимает острое значение обсуждение причин роста нашей организации и отношение к этому явлению. И на местах и в центре (во время X С'езда Советов) говорили и говорят на эту тему. И, в самом деле, если взглянуть внимательней на состояние организации по отдельным губерниям—легко придти к заключению, что постановка в порядок дня и обсуждение этого вопроса—вполне своевременна. Даже, если считать, что все благополучно, что в связи с ростом организации не грозит никакой опасности все же и при этом условии следует определить и учесть все возможные произойти изменения.

Каковы же размеры роста Союза. Для характеристики его в других губерниях Республики приведу несколько цыфр, взятых из письма Ц. К. по этому вопросу:

Рост за 4 м-ца Август—Ноябрь в %.

Донбасс	100 %
Ив. Вознесенск. . . .	31,2 %
Ярославская	73,1 %
Тверская	18 %
Воронежская.	29 %

Обратимся теперь к нашей губернии. Оказывается, что Вологодская организация перещеголяла в этом отношении многих.

По губернии рост Союза рисуется в следующем виде:*)

Месяцы.	Общ. колич. членов.	% отнош.	Примечание.
Сентябрь	943	100%	
Октябрь	1021	108%	Число за сентябрь
Ноябрь	1167	124%	принято за 100%.
Декабрь.	1384	147%	

Из этих цифр видно, что период с Августа по 14 Января организация увеличилась на 47%.

Гораздо значительнее размеры роста в городской организации (Вологда),

*) *Примечание.* Здесь не принимаются в расчеты кандидаты Р. К. С. М. число к которых 1-му Января выражается в 233 чел.

Б. Ш.

Месяцы.	Общ. колич. членов.	% отнош.	Примечание.
Сентябрь	163	100%	Колич. за сентябрь
Октябрь	188	115%	
Ноябрь	288	177%	взято за 100%.
Декабрь.	364	223%	

Таким образом, можно установить, что рост есть и рост очень быстрый. Каковы же причины его? Ведь, от ответа на этот вопрос зависят и выводы. Некоторые работники нашей организации стараются доказать, что настоящий рост—явление обычное, из года в год повторяющееся, определяемое исключительно тем, что зимний период способствует расширению Союза. И раз это так, говорят они, то „нечего и огород городить“. Положение нормально, „на Шипке все спокойно“. В таком взгляде есть двойная ошибка. Во первых, если бы теперешний рост был „сезонным“, обычным, то и тогда его нельзя было бы, по существу расценивать нормальным. Причины же роста кроются не только в „сезонности“. Надо учитывать при этом и об'ективную обстановку, в которой мы живем.

Та устойчивость политического положения Республики, а вместе с этим и Компартии, которая наблюдается в настоящее время, безусловно повлияла на рост Союза. Да и не только Союза. На устойчивости профсоюзов, на росте кооперации—мы можем видеть влияние этой об'ективной обстановки. В союз стремятся сейчас даже те, кто год-два тому назад не признавал за ним никакого права на существование, кто не верил вообще в возможность продолжительного существования коммунистических организаций в России.

Это первая причина. Дальше нужно, все-таки, констатировать, что Р.К.С.М. действительно, (хотя в некоторых случаях незаметно для самих его работников) становится организацией, усваивающей „новый курс“ в своей работе, которая становится интересной и привлекательной для молодежи. Уделяется больше внимания показной, наружной стороне работы; скучные лекции начинают чередоваться с вечерами самодеятельности, богатыми разнообразными и торжественными заседаниями и т. п.

Это вторая причина. Есть еще целый ряд: авторитет Р.К.С.М. у рабочей молодежи, как организации, давшей такому незначительному городу, как Вологда, 6 школ фабзавуча, защищающей экономические интересы рабочей молодежи; прилив в союз ради командировки в „ВУЗ“ и т. д. и т. д. В общем и целом причины наблюдаемого нами роста не из числа „обычных“ и „сезонных“.

Во вторых,—этот рост ненормален потому, что он не ведет к усилению и укреплению организации, за счет увеличения в ней устойчивого пролетарского, элемента а если в некоторых местах нашей губернии увеличение этого надежного элемента и происходит, то очень и очень незначительное, почти незаметное.

Вот, например социльный, состав Вологодской (губернской) организации за последние 4 месяца.

Месяцы.	Рабочих.	Крестьян.	Служащих.	Учащихся.
Сентябрь	122—13%	535—57%	122—13%	164—17%
Октябрь.	150—14%	562—56%	135—13%	174—17%
Ноябрь	189—17%	632—54%	167—14%	173—15%
Декабрь	264—	688—	189—	222—

Это по губернии, но у нас рабочие ячейки, главным образом, сосредоточены в г. Вологде. Социальный состав городской организации рисуется в следующем виде:

Месяцы.	Рабочих.	Крестьян.	Учащихся.	Служащих.
Сентябрь	54—33%	55—33%	13—8%	41—26%
Октябрь	69—35%	67—35%	13—6%	43—24%
Ноябрь	106—37%	114—39%	19—6%	50—18%
Декабрь	130—36%	135—35%	29—9%	70—19%

Таким образом, до Декабря количество рабочих в горорганизации увеличилось на 4%, а затем начинается снижение. За 4 месяца общий прирост горорганизации выражается в 200 ч., а рабочих только 76 ч. По губернии общий прирост 441, а рабочих и бедняков крестьян не более 100.

Очевидно, что при такой пропорции и при таком темпе роста к началу лета, наша организация может превратиться в чрезвычайно разбухшую но совершенно неустойчивую. И если даже исключить очень реальную возможность прилива в союз элементов явно—нежелательных, то и тогда, очень трудно будет придать устойчивость нашим городским ячейкам.

Следовательно, можно сделать основное заключение: рост ненормален по своим результатам. Значит, необходимо предпринять ряд мероприятий к тому, чтобы использовать рост Союза и в целях повышения количества пролетарских и бедняцких элементов. Некоторые товарищи не хотят учитывать опасности разбухания Союза, уже по одному тому, что, дескать, расширение Союза влечет за собой расширение сферы его влияния на молодежь и что нам лучше иметь организацию 2—3 тысячи, чем в 1500 членов. Против этого можно лишь сказать, что подобное расширение не влечет за собой расширение и углубление нашего влияния на молодежь, а тем более, на рабочую и бедняцкую. Скорее такое положение приводит к обратным результатам. Нужно принять и неуклонно провести ряд мероприятий с тем, что бы можно было руководить им, регулировать, придать ему такие формы, которые позволили-бы с количественным увеличением улучшить и качество организации. И только в этом случае будет расти влияние Союза на рабоче-крестьянскую молодежь.

Перейдем к вопросу о практическом достижении этой цели, или к определению конкретно ближайших задач в области нашей союзной практики. Первое и основное в нашей работе сейчас заключается в том, чтобы точно и решительный взять курс на орабочивание наших немногих организаций, находящихся в районах, с наличием рабочего населения. Последний пленум губкома Р.К.С.М. принял и дал директиву местам довести количество рабочих в Вологодской (городской), Сухонском и Няндомском районах до 75%. Это—лозунг, который должен служить отправным пунктом в повседневной работе этих организаций. Здесь нужно попутно ответить некоторым товарищам, утверждающим, что нельзя брать курс на рабочих в губернии преимущественно крестьянской. Это неверно именно в крестьянской губернии следует стремиться создать основное ядро, базу организации (может быть количественно небольшую). В противном случае организация вся будет подвержена различным

„кривисам“ „сезонным“ и несезонным, местным и общим и никогда не приобретет устойчивости. Смешно и наивно считать, что рабочая молодежь служит ядром только в организации промышленного района и не может являться таковым в крестьянской губернии. Стало быть в течении ближайших месяцев необходимо подойти вплотную к осуществлению этои директивы. В районах и уездах чисто-крестьянских следует использовать рост Союза в целях увеличения количества чисто-бедняцкого крестьянского элемента. Давно пора взять курс именно на эту категорию крестьянской молодежи. Все это можно провести двумя способами, во первых, путем усиления агитационной работы среди этой части молодежи, и во вторых путем строгого отношения к приему в члены Р.К.С.М. Необходимо установить фактический прием в члены рабочих и бедняков-крестьян, оставляя за последними категориями молодежи (служащие, учащиеся, средняки-крестьяне)—право пройти предварительное испытание (кандидатский стаж).

Вместе с этим раз и навсегда следует установить ясность в вопросе об отношении к возникающим организациям. У нас наблюдается нередко случаи, когда укомы и райкомы утверждают стихийно возникшие ячейки, (главным образом в деревне), не ознакомясь с составом ячейки, с причиной организации и т. д. Такие ячейки, с лучшем случае, лишенные поддержки руководства и инструктирования через непродолжительное время разваливаются, а в худшем попадают под руководство явно-нежелательных элементов и обнаруживают всевозможные уклоны. Так, в одном из уездов, созданная таким образом ячейка Р.К.С.М. превратилась в скором времени в „христианский союз крестьянской молодежи“. И это потому, что при ее утверждении, Уком утвердил весь состав новой ячейки, а там оказались слишком темные личности. Необходимо отказаться от утверждения ячеек в целом и перейти к индивидуальному приему желающих вступить в Союз.

Наконец, настоящее положение необходимо как никогда лучше использовать и для фактического осуществления и другой задачи, поставленной нами давно и являющейся также вопросом качественного повышения Союза. Это повышение возрастного состава организации.

Следует при приеме новых членов преимущество предоставить лицам юношеского возраста. Конечно, этим самым мы не нарушаем нашего устава, ибо не закрываем доступа в Союз подросткам имеющим 14-летний возраст. Нужно лишь, главное внимание уделять вовлечению в Союз лиц, уже вполне осознавших важность совершаемаго шага—вступления в Р.К.С.М. Повторяю, момент для разрешения этого вопроса чрезвычайно подходящий.

За последнее время во всех организациях „больным“ вопросом („больным“ потому, что он был также неясным) был вопрос об отношении к приему в Союз безработной молодежи. В одних местах безработным был предоставлен широкий доступ в Союз, а в других—всем безработным ставились препятствия. Такое отношение оправдывалось (и вполне резонно) боязнью принять тех безработных, которые видят в Р.К.С.М. организацию, предоставляющую своим членам работу. Т.-е. нечто вроде „биржи труда“ для молодежи. В общем не было ясности. В этом случае следует установить прежде всего различные категории безработных. Примерно следующим образом: 1-я категория безработных, это-те подростки, которые были заняты в производстве и оторваны из производства в силу об'ективных обстоятельств (сокращение); 2-я категория это те, которые не были в производстве (служащие), или не были достаточно связаны с ним (случайные „сезонные“ рабочие). Конечно, к безработным 1-й категориям мы должны применять устав пол-

ностью т.-е. принимать их наравне с рабочей молодежью. В отношении же к молодежи 2-й категории, нужна чрезвычайная осторожность, принимая их с кандидатским стажем.

Вот, в основных чертах, линия Союза в области организационной деятельности на текущий период. Твердо и точно взять курс на рабочих и бедняков—крестьян—значит действительно руководить и регулировать рост нашей организации. Это значит сделать серьезную попытку создания надежной устойчивой базы для нашей организации, которая (база) сообщит устойчивость и всей губернской организации. Тогда можно будет с уверенностью и без боязни за развал работы смотреть на приближающийся летний период. Тогда не будет „сезонов" в жизни и работе Вологодской организации.

Борис Шегула.

Мировой съезд комсомольцев.

В первой половине декабря прошлого года проходил III-й конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи (Ким'а). Третий конгресс был первый по количеству представленных на нем отдельных национальных Союзов. В то время, как I-й конгрес имел в своем составе представителей 12-ти стран, а II-й—47,—III-й конгресс имел представителей от 52 национальных союзов. Это действительно мировой с'езд революционной молодежи всех стран Европы, и большинства Америки, Азии и, даже, Африки. Здесь невольно напрашивается сравнение нашего Коммунистического Интернационала с меньшевистскими 2 и $2^1/_2$ Интернационалами, которые по своему составу, с натяжкой могут быть признаны средне-европейскими Интернационалами. У нас—цвет европейской, колониальной (Индия), и полуколониальной (Китай), революционной молодежи, у них—кучка неисправимых рецидивистов, часть обманутых, малосознательных молодых рабочих капиталистических стран. Но III-й Конгресс характеризуется не только этим. Полтора года, со II конгресса прошли далеко не безрезультатно и в смысле качественного улучшения отдельных коммунистических союзов молодежи, в смысле укрепления их, внутреннего оформления. Лозунг, брошенный II-м конгрессом—„ближе к массам"—этот лозунг применялся и осуществлялся (правда, не везде и не всегда точно и полно) в практике коммунистического юношеского движения. В результате проведения и применения этого лозунга, мы видим значительное укрепление К. С. М. Франции. Этот союз получил уже первый экзамен во время известной забастовки в Гавре, когда развил громадную агитационную работу и принял активное участие в расширении этой стачки. За этот же период мы видим создание и оформление К. С. М. в Англии. Правда, этот союз очень мал, его влияние на рабочую молодежь в сравнении с другими крупными союзами незначительно, но уже одно то, что в Англии, в стране классического реформизма, на родине таких изменников рабочего класса, как вожди Амстердамскаго проф. Интернационала,—Коминтерну молодежи удалось создать секцию и вовлечь в среду своего влияния часть сознательной пролетарской молодежи, одно это заслуживает серьезного внимания и должно расцениваться как победа КИМ'а. Наконец нельзя не отметить, оценивая прошедший путь и состояние комсоюзов молодежи к моменту созыва III-го Конгресса—и успехов наших организаций в области экономической работы, антимилитаристической деятельности и т. д. В общем и целом—КИМ и его отдельные секции получили громадный опыт, и большие достижения. Но все же полностью всех решений II-го Конгресса за это время не осуществлено, лозунг „ближе к массам", а затем и тактика единого фронта требовали детализации и углубления. Наконец для полного осознания и применения этих лозунгов требовались не только идеологические предпосылки, но и организационные. Нужно было наши организации поставить так, что бы сама структура способствовала сближению КСМ с массами рабочей молодежи. Все эти обстоятельства, т. е. состояние коммунистического движения молодежи, его успехи и ошибки, по-

беды и достижения—отмеченные по докладу отчету КИМ'а — определили задачи III-го Конгресса.

Второй группой обстоятельств, определивших задачи и решения III конгресса молодежи — являются общеполитическая обстановка и решения предшествовавшего III-му Конгрессу IV Конгресса Коминтерна, выразившиеся в определении задач и тактики Коммунистического рабочего движения всего мира. IV Конгресс произвел всю оценку настоящего положения капиталистического мира. Он констатировал крах Антанты, медленный, но неуклонный развал капиталистической системы производства. Он указал всему миру на надвигающуюся опасность новых войн, которые должны будут произойти из-за обострения хищнических интересов современной буржуазии. Росту реакции было также уделено достаточное внимание. Фашизм принявший размеры далеко выходящие за пределы границ отдельных стран—получил полную политическую оценку, как очень серьезная форма наступления капитала на пролетариат.

Внутри революционного движения произошли также большие изменения; фактическое об'единение II и $2^1/_2$ Интернационалов облегчает массам рабочих найти действительного защитника своих интересов в лице III-го Коминтерна и его партий. На основе этого анализа IV конгресс определил основную задачу Коминтерна в завоевании большинства рабочих путем проведения тактики единого фронта и применения лозунга рабочего правительства, где это не рано, в колониальных же странах тактика Коминтерна должна выражаться в поддержке национально революционной борьбы колониальных народов с империализмом и созданием ядра Компартии.

Таким образом перед III Конгрессом КИМ'а, была поставлена задача приспособить революционную деятельность союзов к этим общим задачам, наметить конкретно формы участия юношеских организации в осуществлении лозунгов Коминтерна.

III-й конгресс должен был предварительно учесть опыт и силы, которыми располагает Коминтерн молодежи и наметить ряд организационных мероприятий, которые сделали бы все организации способными принять активное участие в борьбе за единый фронт пролетариата, за улучшение экономического быта рабочей молодежи, за дальнейшее революционизирование ее. Из этих организационных мероприятий обсуждавшихся Конгрессом, следует отметить пересмотр самаго принципа организации К. С. М. на Западе. До сего времени там организации строились по чисто территориальному признаку, члены К. С. М. об'единялись в районы непосредственно. Этот принцип ни в коей мере не может способствовать ни устойчивости самих организаций, ни расширению его влияния на окружающую молодежь.

Поэтому также лозунг „ближе к массам" не везде и не всегда полно удавалось провести. Конгресс учитывая это обстоятельство, а, кроме того, необходимость более тесной, органической связи К. С. М. с рабочей молодежью при проведении тактики единого фронта, принял постановление об использовании богатого опыта РКСМ в этой области. Все организации должны строиться по принципу организации фаб. зав. ячеек. Это придает устойчивость союзным организациям и усилит органическую связь их с рабочей молодежью крупных предприятий. Это должно помочь разрешению и второй задачи, на которую указал Конгресс. Это усиление экономической работы и придание ей планомерного характера. В прошлом эта работа наших организаций находила характер компаний, не систематический, нерегламентированный. Теперь нужно сделать эту работу планомерной, повседневной, чисто-практической борьбой фабрично-заводских ячеек за экономические интересы рабочей молодежи. Только при такой планомерности можно учитывать работу, исправляя ошибки и добиваться новых успехов. Также было указано и на недопустимость федеративности, существовавшей кое-где на Западе. В некоторых КСМ были также случаи, когда эта федеративность, отсутствие твердой централизации приводила к

большим ошибкам. Конгресс решил раз и навсегда покончить с этим и вынес постановление о необходимости строгой централизации союзов.

Организация фабрично - заводских ячеек, усиление и углубление экономической работы и строгая централизация—вот те организационные предпосылки, которые необходимы для разрешения политических задач Коминтерна молодежи. Каковы же эти политические задачи?

Основная и главная из них— борьба против наступления капитала. Буржуазия, видя развал своего капиталистического хозяйства, решила боротся за сохранение своего положения эксплоататоров. Наступление капитала идет сейчас по всем направлениям во всех областях.

В результате его мы видим резкое понижение жизненного уровня рабочих. Капиталисты применяют все-возможные средства начиная от локаута и кончая политической реакцией в форме фашизма, например. А естественно, что в первую очередь от этого экономического и политического нажима капитала страдает рабочая молодежь. Увеличение рабочего дня до 11—12 час., массовые увольнения, и отсюда безработица, уменьшение заработной платы, развал ученичества. Отсутствие достаточной защиты интересов рабочей молодежи со стороны профсоюзов. И в довершение всего разгул реакции политической бьющей также по молодежи. Конгресс указал, что борьба с наступлением капитала должна вестись путем создания единого фронта рабочей молодежи. С этой целью необходимо усилить внимание на работу в профорганах и в массе рабочей молодежи. Детально разработана также экономическая программа т. е. ряд экономических требований. В ней конкретно определяются наши конечные цели и способы достижения их. Следует попутно отметить, что у обоих меньшевистских Интернационалов (2 и $2^1/_2$) также имеются „Экономические требования“. Но у них там общие фразы о „реформах“, у нас же конкретные определения повседневных задач и работы Союзов. В основе экономической программы положены требования Штутгардтского Конгресса и опыт Р.С.Ф.С.Р. Здесь говорится о Социалистической реорганизации труда подростков как конечной цели, о требовании 6-ти часового рабочего дня, о повышении заработной платы, об установлении обязательных отпусков и т. д. Но как уже сказано выше есть и другая сторона медали,—наступление капитала. Это политическая реакция К.С.М. запада достаточно хорошо испытали на себе эту реакцию. Разгром К.С.М. Чехо-Словакии, аресты в Польше, избиение руководителей. К.С.М. фашистами в Италии, наконец повседневные притеснения во всех формах и во всех капиталистических и т. п. „демократических“ странах вот каковы результаты этой реакции.

Неудивительно, что Конгресс этому вопросу уделил большее внимание. Необходимо бороться с военщиной, нужно разоблачать пацифистский облик буржуазии и социал-демократии. В целях предотвращения новой империалистической войны.

Надо усилить работу в армии, следует разоблачать всю ложь так называемых мирных договоров, заключаемых буржуазией. С целью облегчения работы и обеспечения успеха Конгресс указал на необходимость совместной борьбы с революционными взрослыми рабочими.

Только при об'единении с взрослыми и только при вооружении рабочего класса мыслима успешная борьба с мировым фашизмом и предотвращение опасности новых империалистических войн. Конгресс постановил еще раз обратиться к 2-му и $2^1/_2$—Интернационалам с предложением провести антимилитаристическую компанию в связи с провалом Гаагской Конференции.

В числе главных и основных моментов работы III Конгресса, нужно отметить пересмотр и дополнение программы „К.И.М.“а. Старая программа была принята 1-м Учредительным Конгрессом (в 1919 г. в Берлине), и за этот период некоторые положения оказались устаревшими. Поэтому вполне своевременным было внести ряд корректив в нашу программу. Кроме того, введен совершенно новый рас'дел „Пролетарская революция и рабочая молодежь“.

Здесь опять нужно провести сравнение с меньшевистскими Интернационалами молодежи, у которых царит полнейшая теоретическая путаница, в их „программах“! Да это и понятно. У них не может быть иного представления и точного определения роли и задач рабочей молодежи в момент и после совершения пролетарской революции, поскольку пролетарская революция нечто смутное, что можно видеть только в книжках и чего не может быть в жизни.

Пересмотренная и исправленная программа „К.И.М“а точно и полно определяет цели и задачи Коммунистических Юношеских организаций и указывает способы достижения их, учитывая богатый опыт борьбы.

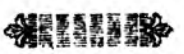
Целый ряд вопросов практического характера детально обсуждались на Конгрессе. К их числу нужно отнести вопросы воспитательной работы, детского движения, спорта и т. д. Комиссии составленные из представителей разных стран, подробно обсуждали положение отдельных национальных Союзов (Балканский, Итальянский и др.) Здесь было указано на все шероховатости в деятельности их и намечены специальные подходы к работе в условиях той или иной страны.

III-й Конгресс дал богатый материал для работы всем Коммунистическим Юношеским организациям. III-й Конгресс знаменателен тем, что на нем был сделан первый серьезный шаг к созданию мирового Коммунистического Союза Молодежи.

Все решения в области внутренней жизни Союзов и организационной деятельности сводятся к тому, в конечном счете, чтобы постепенно, но неуклонно провести превращение из федераций отдельных национальных Союзов к мировому Комсомолу. III-й Конгресс также указал на необходимость и дал верный путь совместной борьбы революционной молодежи с революционной частью взрослых рабочих против наступления капитала, во всех его проявлениях: и в экономическом (локауты, сокращение заработной платы и т. п.) и в политическом: фашизм, аресты вождей, разгон раб. организации и т. п. Наконец он вынес ряд решений, проведение которых должны привести к осуществлению целиком и полностью лозунга: „ближе к массам“. Он превратил К.С.М. в организацию подлинно защищающую интересы рабочей молодежи, выработав экономическую программу.

Для Российского Коммунистического Союза Молодежи решения III-го Конгресса имеют большое значение. Р.К.С.М., как лучшая часть К.И.М.'а, его авангард, должен первый провести в жизнь решения Конгресса. А для этого прежде всего нужно, чтобы каждый член нашего Российского К.С.М. интересовался делами в других Союзах. У нас этого, к сожалению, не наблюдается. Большинство членов Р.К.С.М. имеют очень превратное представление о положении, скажем, К.С.М. Германии. Такому явлению должен быть положен конец. Каждый член Р.К.С.М. должен интересоваться и состоянием не только своей ячейки, не только своей губернии, но и положения Комсомола в странах, где царствует еще капитал. Должен знать—ибо Рос. Ком. Союз Молодежи—авангард Коммунистического Юношеского движения всего мира

Бор. Мирский.



НАША ИСТОРИЯ.

О истомоле.

До сих пор Комсомол (в особенности в нашей губернии) не уделил должного внимания по изучению своих коротеньких, на взгляд историй. Наши местные организации небрежно относятся к своим архивам, как документам прошлой жизни и работы. В нынешнем году, при всех возможностях, во что бы то ни стало, надо встряхнуться местным Истоммольцам и старым работникам союза и осветить вопрос истории в нашей печати. Нужно разрыть все архивы, все хорошее использовать и сохранить на будущее время. Правда, не во всем можно доверяться нашим архивным документам, сухим, протокольным. Большим плюсом будет, если Истомол будет носить не сухой, а картинный, живой характер.

Итак, нужно компанию Истомола возобновить. Взять в руки „Советское перо“ и молодыми руками записать, что прожито нами.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТИНКИ.

(Шуйская орган.)

Родились.

Организовались ребята в союз нечаянно, торжественно. Многие шли в союз потому, что товарищи шли, не осознавая задачи. Сразу же занялись кустарной организационной работой по приобретению инвентаря, разучиванию Интернационала, приобретением своего знамени. Собрания велись неумело, повестки собрания мелочные, например, вопросу приобретения знамени посвящены страницы протокола:

„Просить материал для знамени через Исполком, или достать у частных лиц, или просить Уком или, наконец, Ш. Е. Р. К. П. О.“ так написано в протоколе. Насколько не трудно было это сделать (исходящий сотнею номеров форсил) но ребята пищали, кричали, надоедали у столов Завраспредов—и всетаки добивались своего.

Урок дезертирам союза.

Стали ребята понимать, что такое „союз“ (или „комсоюз“, как его назвали вначале). Это была активная группа, она стала от всех членов требовать „общей работы“. Некоторые члены, либо из за родителей, либо, не понимая себя в союзе. либо чувствуя что-то в союзе страшное,—подали заявления о выходе. Активисты собирают собрание почти только по этому поводу. И в протоколе от 8 марта 20 года оригинально значится:

„Обсудив вопрос со всех сторон... постановили исключить, как испугавшихся диктатуры пролетариата“.

Такая мера наказания была вынесена убегающим из союза.

„Компания осознания".

Уход из союза и нежелание некоторых членов работать организацию поставило перед фактом „быть или не быть". Нельзя много и строго судить за это: спецов — нет, опыта нет, сверху руководства—нет, надо вершить самим и по своему. Назначили компанию, „неделю осознания" каждого члена своего положения в Р. К. С. М.

„Назначить семидневный срок, в который каждый член должен продумать быть или не быть в союзе, ибо некоторые выходили по странным причинам... После срока, выходящих опубликовать".

(Протокол 19/III—20.)

Вот какие факты были в первое время. Однако, чем дальше жили, тем более крепли, хотя в количестве заметно упали.

Мешающих работать.

Учащимся комсоюзникам приходилось часто сталкиваться с учительством и культкружком—„интелигентами". С их стороны часто сыпались на союз насмешки и подчас настраивали членов выйти из союза. Так типично одно постановление:

„Что из К. П. К. В. П. Л. насмехается над союзом и мешает работе, то постановили этот факт отметить в протоколе и просить Уком принять меры против этого и обуздывать таких типов".

Хотя дела такие тянулись и по долгу, но ребята своего добивались и нескольких учителей изолировали из школы как „ненадежных элементов".

Против спекуляции.

Борьба реальная, совместно с партией против спекуляции велась все время. Однако следует отметить один факт, насколько велась борьба со спекуляцией среди членов, чтобы судить о „настоящей спекуляции".

(Прот. 19 апреля 20 года).

„Постановили Ломоносову В. вынести порицание за спекуляцию открытками „покупает за 1—50 к. штуку, а продает за 5 руб".

Вот ведь какие были нападки, поползновения на спекуляцию.

Серьезные недели.

Дальше—больше из своей скорлупки показали носик во время недели „помощи Западному фронту". Члены по несколько дней ездили по деревням сбирая натуру всех видов, одежду и пр. и путем своего искусства (свой спектакль) заколачивали деньги Западным красноармейцам. „Неделя ребенка" опять всех бросила в деревни. „Серьезные недели", как называли их, прошли с успехом. Гордились ребята перед советскими органами, что „реально" помогли и что не зря мол „портят бумагу и чернила, что в Райпродкоме скулят".

Первое громко.

Интересовала молодежь жизнь страны. Устраивались доклады по текущему моменту. Ребята, срезывались часто и с партийцами, полные энтузиазма—без доли уныния, выносили свои необработанные но от души резолюции. Вот она—первая-то:

„Заслушав доклад тов. ... по текущему моменту, мы юные коммунисты, приветствуем нашу доблестную красную армию и всех борцов борющихся на всех фронтах, продовольственном, военном и внутренней разрухи и руководителей Ленина, Троцкаго, Зиновьева. Сегодняшняго дня мы примемся за возложенную на нас работу, которую должна выполнить молодежь. Мы будем работать и положим всю нашу силу для достижения святого идеала" (20/XII - 20 года).

Вот что заговорили молодые мужики в открытую через десять месяцев существования союза. Теперь РаКаСьемь (как вошло в обиход) засел острым гвоздем в головах комсоюзников.

М. Хмурый.

Из жизни Вологодских комсомольцев.

(С июля 1919 г. по январь 1920 г.).

Городская организация, к началу июля месяца имела около 20 членов, в большинстве учащихся. Заседания Горкома происходили в неделю раз; вопросы, на которых больше всего приходилось останавливаться, были следующие: 1) Устройство митинговконцертов с целью привлечения молодежи в Союз. 2) Подготовка агитаторов из членов Союза для работы среди молодежи в школах и мастерских, 3) военная подготовка.

Последнюю начали проходить в июле месяце и до конца не прошли, ввиду неаккуратной явки некоторых членов Союза. Так-же часто на заседаниях обсуждался вопрос о клубе: много пришлось о нем хлопотать через Губком партии и жилищный отдел, но все это ни к чему не привело—и этот вопрос впоследствии заглох

День Советской пропаганды,--7 сентября—в здании Р. У. был устроен митинг-концерт, на котором выступали также и члены Союза: Борок, Каган, Отопков.

Митинг прошел успешно, речи начинающих молодых ораторов выслушивались с большим вниманием.

К началу ноября Союз начал расти. Подготовив несколько молодых агитаторов, Союз бросил их в школы и мастерские; это дало хорошие результаты, молодежь стала вступать в Союз группами. Большой процент молодежи дали кожевенники и частью железнодорожники, количество членов Союза сразу дошло до 150 чел. Казалось бы с наплывом молодежи Союз должен был активнее работать,—но вышло наоборот. Втянуть то молодежь в Союз было легко, а организовать ее, вовлечь в работу было трудно—не хватало сил. Работавшие в то время два-три человека молодых оранизаторов ничего не могли поделать с этой массой молодежи. Правда в начале начали организоваться кружки, но работа в них шла слабо—это об'яснялось отсутствием дисциплины и, главным образом работников.

Приступили было к военной подготовке; образовался военный отряд, вначале обучение шло нормально, но постепенно члены Союза начали игнорировать посещение отряда и совершенно не стали ходить на военные занятия. Многие перестали посещать только потому, что им надоело ходить каждый день и мерзнуть на улице, а некоторые подростки просто испугались того, что их после обучения возьмут на фронт и поэтому они не только бросили ходить на обучение, но даже стали выписываться из Союза.

Но все же молодежь, в минуты под'ема сумела дать кое-что и хорошее. Так в конце ноября был проведен *„день книги"* поставлены были концерты—митинги в нескольких местах, на которых выступали члены Союза. В этот день было собрано довольно порядочное количество книг и денег. Кроме того, члены Союза молодежи принимали участие в проводимой в то время переписи населения города.

Нельзя не отметить, что вся работа в Союзе проводилась при самом горячем участии члена Союза тов. Каган, которая все свои силы и знания отдавала Союзу. Она успевала быть везде, на заседаниях Горкома и Губкома Р. К. П., на митингах и вместе с тем вела организационную работу в самом Союзе.

Ей-же пришлось взять на себя работу по подготовке материалов к созыву 1-го Губерн. С'езда Р.К.С.М.

Главным тормазом в работе Союза было отсутствие средств и работников. Постоянным работником в Союзе была тов. Каган, на содержание других членов Горкома средств не было и поэтому состав Горкома являлся только на заседания для обсуждения тех или иных вопросов.

Старый Союзник.

ПО ЗАВОДАМ, ГОРОДАМ И СЕЛАМ.

Жизнь рабочей молодежи.

(Сухонский район).

Организация вышла из того тупика, в который она встала осенью текущего года, „начало котораго берется еще с весны". Ее быстрое продвижение вперед тормозилось безавторитетностью в широких рабочих, партийных кругах и даже среди молодежи. За последнее время, когда Комсомол повел внутри ячейковую и среди рабочей молодежи—работу, он начал выходить из того заколдованного круга, в котором долгое время находился.

Переходя к внутри—воспитательной работе, необходимо отметить, что нам удалось привлечь к этой работе широкие круги культурных сил местности. Кружков в организации нет. Воспитательно—просветительная работа ведется по методу постановки лекций, бесед, докладов и т. д. Во все союзные вечера, вовлекается масса рабочей молодежи. Наблюдается, на почве этой работы, сближение ком'ячеек с Комсомольскими. Постановка об'единенных вечеров воспоминаний в революционные праздники, полит-грамоты содействовали этому сближению. Празднование Комсомольского рождества и святок по Сухоне, райкомом было отклонено, как вещь преждевременная в местных условиях. Однако вопрос об антирелигиозной пропаганде стоял со всей своей серьезностью перед Комсомолом, вести ее думаем и начали через устройство бесед, лекций по естественным наукам.

Сухонский Комсомол в январе, установил более тесные связи с рабочей молодежью.

Проводим компанию пересмотра заработной платы подростков. Ранее большинство их получало по первому разряду. При содействии фабкома удалось зарплату повысить.

Броня подростков на производстве была проведена не полностью. В январе нашему представителю в фабком удалось добиться дополнительной брони на фаб. „Печаткино", где вместо узаконенных 6% работало лишь 4%. Этим удалось уменьшить существующую безработицу среди подростков.

По инициативе Комсомола в Сухоне приступлено к организации школы фабзауча. Создана комиссия из технического персонала фабрики, нашего представителя и представителя культпросвета. Материальные условия терпимы. Есть помещение, оборудовано, инвентарь б. мастерских и т. д. Производится набор учащихся.

В компании помощи Красному Флоту принимали участие широкие круги рабочей и учащейся молодежи. Кампания имела двухсторонний характер. Удовлетворительно было поставлено пропагандирование идей, и значения Флота для Советской Республики в настоящем и будущем.

Устраивались многочисленные собрания рабочей молодежи на производстве учащихся, парт'ячеек и т. д.

Для изыскания средств, служили вечера, сбор, устройство субботников и т. д.

На обеих фабриках, ячейками Р.К.С.М. проводились конференции рабочей молодежи, на которых обсуждались вопросы:

текущаго политического момента, и положения рабочей молодежи и кампании помощи Кр. Флоту. Конференции наметили ряд практичечких мер к улучшению материального положения молодежи и главным образом к повышению культурной и общественно - политической активности рабочей молодежи. Постановления конференции поручено энергично проводит в жизнь, выбраным представителям в фабкомы.

Работа Комсомола за январь проводилась под лозунгом повышения активности членов Союза и сближения Комсомола с рабочей молодежью.

За это время организация расширилась на довольно большой процент.

Электрон.

НАЧАЛО ВОЙНЫ С РЕЛИГИЕИ.

Наше рождество.

Улица.

В ожидании всенощной обыватели по квартирам, как тараканы в щелях.

Окна светом дорогу режут, а всего ярче в Доме Партии, над дверьми „В. К. Р. К. П."—из фонариков. а в верху—серп и молот. Молодежь ползет в клуб толпами, и в одиночку.

— В первой еще это.

— В первой, потому-то и интересно.

— Так устроим, что-бы и потом было интересно.

В Доме Партии.

„Боги" на высоких кольях—верзилами к стенкам жмутся, а ребята кругом их юлят, кто костюмы напяливает, кто факелы берет.

— Долго-ли?

— Музыкантов нет.

— Что это они — „архангелы" опаздывают, не заодно-ли с Богом работают.—

— На улицу!

Только и ждали. Вывалили кучей, потом хвостом растянулись.

Кругом народ кучками.

Над городом звон колокольный, праздничный, задорный—мы мол еще поспорим.

Споры не велики: вон, поп, раввин, ксендз на веревочках висят, ногами в воздухе болтают, землю ищют, нет только ее, комсомольцы из под ног-то убрали.

Два пожара.

На первой пожарной части огонек знать дает пожар где-то.

Здесь тоже пожар, в спыхнувший в юных сердцах против вековечного обмана, этот пожар никто потушить не в силах.

Пошли.

Тронулись.

Поползла середина змеей, по краям люди, есть и зло смеющиеся.

— Это у нас только в Вологде, в Москве не посмеют.—

— Ну, не посмеют, что ты, чево они боятся.—

Факелы дорогу постилкой света застилают, рожи богам коптят, а те морщатся неприятно.

Оркестр во всю дует, ребята не умолкают.

— Веселись, коль на то пошло.

Мимо церкви. Колокола кричат: „к нам, к нам, к нам" словно прикащики, а мы „Молодую Гвардию" кричим.

У собора.

Собор в шапку светлую нарядился, языком двадцатипудовым ругает-

ся, нашими порядками недоволен, а мы цепью сцепились, да с песнями кругом бегать—старому на удивление, потом ракетиной давай давай его цугать

— Каково?

Замигал глазищами, заплакал шагами богомольцев.

— Не бойсь, выходите.— Полюбуйтесь, побраните нас, а мы будем веселиться.

— Не крестите девки лоб поглупеете...

— Кто это поет? Да все мы, молодые, но ые.

в

В клубе.

Снова в доме партии в клубе.

Светло, и публики много, слушаем доклады, потом смотрим антирелигиозную сценку одного из Комсомольцев, прощаем прогрешности, артистам, хлопаем ладошками седому Комсомольру, задушевность слов которого удивительно подействовала, качаем, хохочем, кричим с толком и без толку, все заныли, знаем что мы вступили в „первый решительный бой", мы юные, сильные своей спайкой. Ночью расходимся, что-бы на завтра сойтись, богов спалить.

На завтра.

Снова факелы и песни, толпа небольшая, не было оповещено. Ходим сначала по улицам, потом на площади против Спаса вяжем руками круг, богов ломаем, да в середину—костром.

Вспыхнул огонь, затрещали колья, красиво, фонтаном посыпались искры, полетела песня, побежала цеп.

Потом через костер прыгать.

Весело-то как. Весело!..

Микула Селянинович.

В поход на богов.

(Грязовец).

Городские комсомольцы, выступили в боевой поход против богов. Началом послужил широкий антирелигиозный крещенский вечер 18-го января.

Вместительный большой зал клуба, в Доме Партии и союзов, был полон молодежью, наиболее чуткой и отзывчивой к науке, членами партии и большим количеством работников просвещения, пришедшими прямо со с'езда, в первый раз увидеть работу Комсомольцев. Настроение отметилось серьезным вниманием и деловым отношением.

Прекрасно, с горячей убедительностью и сильными яркими фактами, основанными на научных данных и умелом, подходе т. Гуляевым-Зайцевым, был вначале вечера, сделан живой порядочный доклад, заинтересовавший внимание аудитории, на тему „как родятся боги". А затем вышла шумная, оживленная, нарядная, в красочных костюмах „Коляда" бойко хороводом закружилась, песни новые противобожные грянула всем молодым хором. Оригинально. Веет и ободряет новым свежим духом.

А потом последовали новые номера: сценка в двух лицах, стихотворения, чтение разсказа исполненные довольно не дурно, разнообразили и дополняли программу.

Впечатление от всего, хорошее. Сделало первый шаг, к борьбе против религиозных предрассудков.

Почин хорош и оправдав свою цель, дал еще вдобавок известную долю помощи Красным морякам.

Поведем-же в дальнейшем важную и необходимую для просвещения, народа антирелигиозную пропаганду.

Саша Бурный.

КРАСНЫМ МОРЯКАМ ПОМОГАЕМ.

У ВОЛОГОДСКИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ.

На ячейках.

Товарищи! От положения, в каком находится сейчас наш красный флот, зависит светлое будущее.

Все силы напрягая, мы--комсомольцы, должны принять меры для улучшения во всех отношениях жизни моряков — заканчивает энергичный, молодой товарищ доклад „о недели помощи красному флоту“.

Начинают вносить предложения, задавать вопросы, как, что, где и т. п. — Ребята заинтересовались. Быстрыми потоками выражают порывистые натуры комсомольцев, желание помочь флоту.

— К порядку!!! — надрываясь орет председатель.

Успокаиваются.

— На субботник завтра утром все придете? -- спрашивал докладчик собрание.

Кто поднимает руку, кто встает— но все кричат.

— Как — же, пойдем обязательно!

Каждый чувствует что это общее, сильное, непобедимое.

— Ребята, а подарки принесете какие?

— Будут, будут!!! не беспокойся.

Собрание окончилось. Каждый ждет завтрашнего субботника.

Субботник.

Дом партии наполняется ребятами, которые с собою приносят и [illegible] — Эй идет совпартшкола!—кричит комсомолец смотрящий в окно.

Многие выходят на улицу встречать.

Уже слышно как поют „Смело мы в бой пойдем“...

Из за угла показались, знаменной шапкой покрылись.

Ишь, как идут.

Плюет дом партии—комсомольцы на улицу выкатываются.

— Становись!.. Равняйсь! Смирно!.. расчитайсь, сдвой--слышится команда. На субботник-то все-таки не много пришло только человек...

Шагом арш!—раздалась команда. Двинулись. Радуются знамена, хихикают, руки потирают, обещаются на славу поработать. Песни ветер во все стороны разносит—по земле стелет.

Пришли... Шзый, шзый зарасговаривали пилы

Поленницы стали расти.

Долго-бы проработали ребята, да холодно в сапогах им, все почти в сапогах.

Прочее.

Ребята, а танцы-то забыли!..

Давай устроим! Устраивают...

Засыпай билетами, выжимай деньгу, уговаривай!

Устроили. Прошли, можно сказать, удовлетворительно.

Всю неделю ребята бегали с кружками по учреждениям, магазинам, театрам и др. местам.

Агитируют, в кружку упехивают— стараются всех обойти.

К черту послали—плюнут в эсеровские волчьи глаза, а сами все к горлу лезут—жертвуй!

Везде их найдешь -- комсомольцев-то с кружками.

Это что?

Ребята зубной порошок, щетки, папиросы, махорку, кисеты, записные книжки, карандаши, бумагу и т. п. вещи и вещицы тащат в свои ячейки, а это комсомольцы от себя, лично, подарки флотянам жертвуют... Молодцы.

2.000 рублей (23 г.)

Считают все пожертвованное, составляют акты, готово... Деньги флотцкие, частушки разучивают, посмотришь на них, так вот и представляются краснофлотцы, море и разные морские вещи и необходимости.

Посылай!!!

Возьмите тов. моряки и наш скудный подарок!

В. Б.

ПОМОЩЬ ИДЕТ.

(*Грязовец*).

Активисты вырабатывают план

Активисты—„головной мозг" Комсомола, напряженно проводят дело. Молодые лица, сосредоточены впились в разрешение вопроса. Мысли вертелись как колеса, гвоздилось в них одна идея—помощь морякам. Прыгали возгласы.

— Вечер платный с танцами!

— Аукцион! Разыграем кое-что.

— Маскарад большой с играми. Но это отклоняется.

Сыплются предложения, точно горохом кидают:

— На первом плане, массовая широкая, оживленная агитация везде. О, разбудить всех, в деле инициативу выказать.

— Спор. Деньги зашибить, в театрах. Карманы „красных купцов" раскошелить. Умелый подход обуславливает успех.

— Афиши, плакаты, призывы в газету. Выступления в театрах. Секретарь,—Комсомольские глотки раскрывайтесь шире орите во всю. Мир поднимем, дает советы, жизненные, что и как действовать составленной комиссии.—На митинг всю молодежь и Комсомольцев призвать. Воскресник, привлекай всех. И еще, еще...

Управдел не успевает записывать. „голова" организации—активисты план определили и своим пылом задорно сказали, все выполним!

Комсомольские глотки в школе.

Учащиеся в сборе. Комсомольский оратор призывает к помощи, обрисовывает историю положение Красного флота.

Барышни светлоокие улыбаются, смеются, шепчутся о чем-то.

А остальные относятся дружелюбно, готовые поддержать все мероприятия.

Митинг.

26-го Января, вечер огнями в клубе запылал, ярко выливая свет на белознежную улицу. клуб уверенно ожидает молодых орлят—Комсомольцев, скоро-ли слетятся, пора уж. Он готов раскрыть им свои об'ятия.

С шумом влетают орлята, а за ними, увлеченные, остальные. Сбор идет. Наполняется клуб. Разговорами заняты молодые митинговщики.

Митинг. Взоры напряжены. Молоденький докладчик с трибуны слова мечет в сердце собравшимся.

История и значение Красного флота; открывается, ряд за рядом картинки проходят.

Резолюция гласом своим прокричала: привет и поддержка Революционному флоту.

Устами оратора „текущий момент" сверлить в головах.

Откликом на помощь и участием отозвалась учащаяся молодежь словами своего глашатая.

В зале оживление,—исполкомцы с заседания пришли—что-бы видеть и учавствовать в деле молодой гвардии.

На трибуне представитель „уезднаго совнаркома"—новость сообщает радостную комсомольцам:

— Уисполком сейчас на заседании организованно откликнулся на просьбу Укома, — от всех учреждений миллиард рублей отпустил.

Зал рукоплещет искренне выражает „спасибо“.

Еще новость, от Комсомольцев — моряков грязовчан, радостная весть пришла и привет.

В ответ общей бурей солидарности телеграмма прозвучала, от всего митинга под громом аплодисментов выражавших единение с юными мориками. Велика, неразрывна постоянная дружная связь юных моряков с воспитавшей их организацией — это лучший залог возрождения Красного флота.

Гремит „Интернационал“ уверенным откликом,—все исполним все проведем.

Купцы расшевелились.

Комсомолец Вася — член Укома в телефон из канцелярии звонит.

— Алло! Слышите, эй-вы!. Ходил к самым первосортным купцам и знаете?

Но чувствуя, что-то хорошее и надеясь, что „мошна“ прибавилась, секретарь крикнул в телефонную трубку: Ура!.. Молодец. Насколько удалось об'егорить?.

— На 250 миллионов, это еще не все. Постараюсь до 400 догнать. Хмурятся купчики, да раскошеливаются.

Грязовчанин.

Шефство проводим.

Новый год. Общее собрание. Стоит на повестке дня важный вопрос: Неделя Красного флота“. Материалов из руководящих центров нет, но мы готовы подумать и за дела приняться.

Лохматый вз'ерошенный секретарь информирует о „Неделе“, просит вносить предложения; посыпалась масса. Вопрос разобрали, порешили, выбрали комиссию недели, тройку.

Вечером того-же дня тройка, забравшись в укромный уголок, потела над техническими вопросами проведения. Решала и перерешала. И так и сяк. Однако, одно решила— деньги выручить путем постановки спектаклей.

Пошла скороспешная подготовка. Кое-как подготовились и потащились в Рождество в деревню ставить спектакль.

Забрались раненько. Народный дом в запустении. Холодно, грязно, оборвано — но убегать не согласны. Пошла работа по чистке, наладили.

Билеты мало продаются — народ безденежный, да „Северопушнина“ (пенка общества) посмотрит, да и, подумав уходит, унося с собою мысли (мне удалось их у них украсть, но только после). Брезгливой, интеллегенции — мол, молокососы.—Ни одной местной знаменитости и ни одного „авторитета“. Кой-как удался нам подбор публики—местных крестьян в большинстве молодежи, мало было народу—правда, но пьяных— выставили—они лишни. Перед спектаклем звучит голос комсомольского оратора о значении и задачах недели Красного флота и конец речи с лозунгом. Да здравствует Российский Красный флот и его шеф Комсомол!

Наскору-руку подобранные и малоподготовленные пьески, однако, вызывают смех, дивертисмент из неокрепших голосов анекдотистов и певцов — удовлетворяет деревенскую молодежь.

Плохо обставленная танцулька после спектакля взрывает решившуюся остаться „пенку общества“ и... они изчезают, яко дым.

Материальные результаты не радуют нас, но мы рады за то, что в таких условиях выполнили, что решили и рады за присутствовавшую крестьянскую массу.

М. Хмурый.

Привет красных моряков.

(Письмо из Кронштадта).

Наш привет Вам, дорогие товарищи, от всех Вологжан, молодых моряков Балтийскаго флота.

Передайте его всей Вологодской орган. Комсомола, сообщите им наш адрес, пусть они помнят нас, и информируют о работе и жизни нам родных организаций.

Нам, оторванным от вас на долгое время, находящимся в тяжелой обстановке морского быта, углубившимся в изучение морской службы, дорого каждое полученное Ваше письмо, взаимная связь нас с вами. Передайте от нашего имени товарищескую благодарность Городской организации, за устроенные ею проводы, особо скажите спасибо членам организации тов. Рубин, Авербух и Стакановой за их подарки и оказанное нам внимание в день отправки.

В Питер приехали в 3 часа ночи 20/XII, пришли в Крюковские казармы, там нас не ожидали и направили в Екатерингофские казармы, там переночевали, получили документы из штаба флота и направились на Васильевский остров в Дерябинские казармы, в 10 роту 2 Балтийского экипажа там уже собрались Владимирские, Тверские, Рязанские, Нижегородские, Череповецкие Комсомолята и Питерская шпана, так их называют за недисциплинированность и хулиганство.

25/XII вечером из 800 человек 250 человек отправили в Кронштад в то число наших Вологжан попало 13 человек другая половина осталась в Петрограде, не хотелось разбиваться,—пришлось. Здесь очень строго. Никуда дальше казармы не пускают, несмотря на то, что пешком и на ледоколе из Кронштадта не убежишь. Обмундирование получили, неимеем табаку, мыла вот один недостаток.

День начинается свистком дежурного в 6 часов утра, значит „вставай“.

До 8 часов уборка помещения, в 8 часов „поверка“ дальше строгие занятия, гимнастика, всевозможные работы, в 2 часа обед, в 4 часа ужин, в 9 часов поверка в 10 часов спать, и так изо дня в день, трудно и скучно пока пойдут строевые занятия. Месяца через два вероятно на суда, в школе будет разбивка. Вся рота из Комсомольцев наших и ваших здесь нет, живем дружно, в каждой камере человек по 15. Ребята свыклись, разладов и недоразумений не было, вчера приезжали представители 28 губерний шеф, наш ознакомились с нашим бытом. Отношение старых моряков дружественное т. к. их сменять придется нам.

Поздравляем вас с новым годом, для нас, 1923 год имеет большое значение, для нас новый год—новая жизнь, новая среда, новый быт, новая работа. Пришлите журнал „Красные Всходы“ и газету Красный Север. У нас работают кружки: марксистский, политический, общеобразовательный, драматический, хоровой, художественный, литературный, немецкого и английского языков, все вечера проводим в Кронштадском Морском клубе.

Пишите скорей ждем... (Наш адрес: Кронштадт.) 1 Балтийский флотский экипаж, 2 баталион, 5 рота молодых моряков, 2 взвод 1 отделение.

По поручению товарищей и собственному желанию.

Известный вам ***А Коновалов.***

От Редакции: Просьба ко всем организациям комсомола нашей губернии, прочесть это письмо на общих собраниях с тем, что бы каждый член союза знал о жизни и работе наших комсомольцев во флоте, имея с ними тесную связь.

Редакция.

НАШИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

В омуте посиделок.

(Шуйская вол. Грязовецкого уезда).

Деревня празднует Рождество. „Христовая“ самогонка обещает массу злоключений, жертв, хулиганства в кругах деревенской молодежи.

Начальник милиции набирает отряд для водворения порядка в праздничные дни. Ему известны наши боевые ребята,—Комсомольцы.

Ребята! ай-да, со мной в деревню на гулянки,—а ребята рады работке. В охапку—членский билет, да шапку—и на лошадей.

Вот первая деревня... дом веселья... крик, шум, галдеж, гармоника, песни, пляска, брань... Ребята стрелой в избу. Расставлены по местам у дверей, в средине, и где удобнее. Начальник милиции об'являет обыск парней и отбор всех видов оружия.

Переполох... упадок настроения, толкотня и перемянка вооруженных.

Трусы, оружие ножи побросали на пол. Обыск производится и обысканных удаляют. В результате обыска пачка ножей, гири, бритва и проч. Часть из этого подобрана на полу.

Как ни старались обыскивать, наши ребята—кругом обшаркают, а в результате оказывается, что револьверы были переданы девкам, которых не обыскивали, и они спасли.

Довольные добычей едут дальше.

Словно телефонограммами даются сообщения в следующие деревни: Милиция! Убирай ножи и наганы! — Это старательные бабы, девушки — побегушки и ребятишки шалунишки.

Вторая деревня захвачена врасплох. Опять переполох. Пошел обыск.

Шурка с задором щупает и шаркает парней.

— Те-те, голубчик. Это, ну-ка што за рогатка? Даешь.—И наган в руках Шурки. Сей-час на свет.—Номер такой то.

— А, ну-ка, у тебя что за уразина, за ремнем, кажи!

— Что? Нож...—трусливый грубый ответ...

— Тащи сюда!—В руках ребят финский ножище, сверкающий носок.

Что дальше, то хуже, народу больше, пьяных довольно, а оружия нет—успели припрятать.

Между парнями толк, что если и отберут, так фунтов десять масла, да и оружие отдадут.

Остальные дни прошли хорошо—запуганы. Ни одного большого безобразия, хотя выступления и начинались. Ребята ликовали, да и население довольно.

Постараемся и в будущем.

М. Х.

С ветром спорим.

Ветер-то сегодня, злой какой. В грудь лапами своими уперся—пустить не хочет

Обратно повернул — бозобразник. Не сдаюсь только я, спиной вперед двигаюсь.

— Шалишь, молодчик, не осилишь!

Целый вечер под окнами у меня пел—не ходи в клуб нонче. Что-бы пуще напугать—в окно снегом кидался. Не послушал я его, на улицу вышел. Холодно дома, неуютно, даром что комнатка-клетка в два окна, а в клубе свет углы не ощупает.

Весело там, песни о стены каменные птичкою бьются.

— Эх, ты, неугомонник, ничего со мною не поделаешь. Близко окна большие, светлые. Она может там. Не наша она, чужая, за глаза только голубые-ласковые люблю ее. А если нет ее—в родной семье с ре-

бятами горе размыкаю, есть о чем и окромя этого подумать.

Ветер, луну за тучку схоронил, в темноте дверной ручки не сыщешь.

Все еще не успокоился беспокойный? Злишься, что не осилил меня? где тебе.

Подожди, посидим, да из клуба ватагою вынырнем, с песнями, не тебе нас перекричать, не тебе остановить нас.

— Урра! Нашего полку прибыло!

— Пашка, сюда к печке!—навстречу шарахнулось.

Вот оно—милое—то, родное! Забылись все невзгодушки, не один я здесь, в семье родной, веселой.

— Запоем, что-ли, ребята?

— Валяй, Митька, затягивай.

Затянули.

— Ребята простору здесь мало! На улицу, что-ли С ветром спорить, кто кого осилит.

Отскочила скамья в сторону. Застонал в трубе ветер.

Слышишь видно, старый, что мы идем, в песнях с тобою тягаться? Побереги глотку, не кричи, а то перекричим.

Вышли.

Заревел ветер, провода зарвала шапки хватает,—стащить их хочет, мы нахлобучили, на глаза надвинули, да как грянем свою-то, любимую:

— Смело мы в бой пойдем!

Заорал ветер, охрип, не перекричать видит, лапы вход пустил, баррикады на улицах строит.

Не пытайтесь, — напрасно, — остановишь, разве, гору бы кажется набросал, и то перевалили-бы!

Не петь, а кричать в лицо ветру хочется.

— Где-же сила твоя мощная! Непокорный, и ты не сломил нас.

Ээиииииийй!!!

П. С.

Деревенские картинки.

Из частушек.

Настоящая картинка—составилась из ряда частушек, распеваемых в нашей Вологодской губернии во время солдатских наборов. Здесь изображаются отношения между молодым крестьянским парнем и девушкой —его милой. В частушках отчасти отражаются взгляды на любовь, а так-же переживания девушки после отправки своего милого на военную службу.

Узнав о наборе, парень приготовляется идти в солдаты.

Скоро ягоды поспеют—
Черная смородина,
Надо, надо отправляться,
Дорогая родина.

Не унывает о том, что ему придется служить, расстаться с отцом матерью, парень жалеет оставить свою милую.

Мне ничто идти в солдаты,
Мне не жаль отца и мать,
Жалко девушки молоденькой
Оставить сиротать.

Последнее свидание парня с любимой. Он удивляется ее холодному отношению к нему и спрашивает:

Что ты милая не тужишь,
Черной юбочки не шьешь,
Меня на осень в солдаты
Провожать то в чем пойдешь.

А девушка, не давая повода знать парню, что тужит, жалеет о нем:

Любовь—ничто-нибудь такое,
Ни платочек носовой,
Платок поносишь—вымоешь
А любовь ничем не выведешь.

Набор был, парня забрили и увезли, девушка осталась одна горевать

Не зальешь, ведь, это горюшко,
Не пивом, не вином,
Не забудешь тебя миленький,
Не вечером, не днем.

Прошло много времени, она еще больше тоскует и начинает думать о его измене:

Не велики перелесочки,
От милова нету весточки,
Нету вестки никакой,
Видно милой занимается другой.

Как не печалится, как не тужит девушка о своем милом—все-же не покидает надежду, увидать его снова:

Неужели же повянет,
На горе зеленый сад
Неужели не воротится
Миленочек назад.

Гр. Смирнов.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПОСИДЕЛКАХ.

А вот, после частушек, распевавшихся в деревне и о посиделке пишут, из самых глухих уголков.—Здесь довольно оригинально выражена вся нагота набивших оскомину бесшабашных переживаний захлестнутой темнотой деревенской молодежи.

Вдоль по улице мятелица метет,
Молодцов толпа веселая идет,
В ней гармоника пиликает, скулит
Все одно лишь, затвори да отвори.

Не страшна для них погода в эти дни
И всю ноченьку шатаются они.
На беседе, нет веселию конца
Там в дыму ты не увидишь молодца.

Все красавицы прядут таки прядут,
Скоро, скоро ли молодчики придут.
Вот понесся на крилечке дикий крик
Пришла стая расхорошеньких, лихих.

Пальцы кольцами сияют и блестят,
Щеки пламенно, как маков цвет горят,
Словом все, как на картинке хороши
Девки рады парням от души.

Вновь гармошка начинает говорить
И визжать и надрываться и пилить,
Хороводы по избенке развели
Песни льются от зари, да до зари.

Вся деревня уж заснула крепким сном,
Тишина. Равнина снежная кругом,
Снег блестит везде куда не посмотри
Только слышно, отвори да затвори ..

Вельский.

Комсомольцы на посиделке.

(Из жизни Обнорской ячейки, Грязовецкого уезда).

Среди ребят.

Окончен трудовой день в школе, приносящий много забот и дела всем школьникам и особенно Комсомольцам.

Ведь Комсомольцы, везде пример и проявляют больше настойчивости и энергичности в работе. Отдают весь свой молодой дерзновенный порыв. А мало-ли работы, и по хозяйству, работа физическая, требующая силы и навыка, практичности, и умственная—занятия в школе, тут простор мыслям, зубок направлен на науку, напряженное внимание и мышление.

Вот сейчас, под вечер собрались ребята в веселый круг, среди них постоянно связанный с ними, их любимый и дорогой, руководитель, Павел Степанович,—учитель, вдобавок идейный коммунист.

Выглядывает из газетки последние новости, ребятам в рот ложит. Что-ж. Ознакомиться ребята с газетками рады и привыкли. Большак 16 лет-й мальчуган, развитой парень, маленький умелый чтец строчка за строчкой пробегает, бегло по газетному листу.

Почитают немножко,—толкуют, делятся мнениями, славно выходит. Поймут и сумеют рассказать другим. Свежие головы, забирают крупицы знаний и перерабатывают их.

О волнующем начали заводить-беседу. Каждый горазд слово вложить, маленькое, робкое за-то уж не пустое, а дельное, правдивое. Что ни слово-то жизнь.

— А вот послушайте-ка меня, товарищи—гуторит 15-тний паренек—думал я про себя, как-бы влиять на деревенскую молодежь, отучить ее от хулиганства и озорничества на повадах и надумал вам сказать:—надо ходить на повады нам, Комсомольцам. Пытливые взоры горят, слово за словом—дело создают.

— Молодец! Не зря выдумал, все обсудим и обмозгуем. Мысли текут потоком. Вырываются возгласы: книгу и газету понесем на беседу. Слово знания туда.

Песни научим молодежь новые петь.

— Частушки соберем и сами напишем. О, да много можно поделать полезного.

— Маленькие мы, да стариков поумнее, справимся с молодежью, подойдем к ней как следует, по своему по просту—„метод“, голосисто предложил Петька, что под стол ходит пешком. А чувствует себя, как большой.

Жарко горячятся ребячьи думы и разговоры. Учитель совет поддерживает, тон всему определенный направляет.

Долго-долго ворковали, кричали—наконец успокоились.

— Завтра поваду используем, пойдем пешком верст семь и попробуем распространить знание. Атакуй, штурмуй, искореняй хулиганство. Призывы пронеслись разом, и в довершении всего, песня ободряюще предвещала им успех.

Комсомольцы за работой.

Просторная, и прибранная изба, пятнами огня мерцает—деревенскую молодежь сзывает на поваду.

Деревенские ребята не замедлят собраться, глядишь, мигом, пары девиц входят и парни за ним.

Комсомольцы пришли свою идею проводить сюда, раненько язились на своих на двоих, верст семь прокатив.

Не понапрасну пришли, не плясать да ругаться, а своим багажем (журнальчиками да газетами) привлекать посидельничков и поучить их.

Знакомых ребят увидели, разговорились о том, да о сем, газеткой угостили, ребята с охотой набросились. Почитали,

картинки посмотрели и одобрительно изрекли.

— Не мешает газетки брать, ребята, еще притащите, да дайте в деревню снести к старикам.

Бабенки в круг уселись перед глазами развернули „Крестьянку".

— Больно интересно, все взаправду, не врут—брякнула языком Авдотья. Она грамотна, горазда,—читать, внятно, и толк есть, соседки умом шевелят и правду понимают. Вздумала было Катерина—баба красно-бай словом язвить:

— Матушки, плевать на всех коммунистов,—врут все они. Брось—книжку-то.

Одернули ее, рот велели заткнуть, не послушали язвительных слов.

Мужики у Комсомольцев выспрашивали о кое—каких делах, ребята сумели ответ дать. Еще—бы.

Рассудить знают как. Молодым парням понравились новые частушки, некоторые тут их спели. А все таки не удержались от пляски, повели кадриль, заиикала гармошка.

Комсомольцы, сделав свое дело обрадованные успехом побежали скорей домой. Звезды улыбались, дорога змейкой вилась...

Знающий.

Красные Всходы получили.

(*Деревенская ячейка*).

В клуб, наполненный комсомольцами, впопыхах ворвался Васька-бойкий, краснощекий парнишко, восклицкая громко:—Товарищи! „Красные Всходы"—вышли! Ура!.. Дождались наконец-то своего журнала.

Дуй, ребята читать!.,

А ребята тут, как тут, окружили со всех сторон Ваську, лезут посмотреть на новинку, рассматривают ярко-красную обложку, заглядывают в рассказы. Нет, а что пишут-то. Говори, Васька — грамотный парень, понимающий и разсудительный, толк ребятам дает.

— Да, не лезьте, все то...

— Ну-ка, садись рядком, да поговорим ладком. — Прочитаем — узнаем.—Читать так вместе, только порядок держать.—Как не согласится,—глаза разгорелись...

Уголок заняли, подружней прижались, сплотились вокруг Васьки. Слушают и не разговаривают. Занимательно и интересно ребятам, нравятся разсказы, сколько нового и правдивого в них. Вон как Сибирец—„прошедшие" времена описал, точно в самом деле, видно сам был очевидцем.—А начали „Домой"—ребята не выдержали, лопнуло терпение, языки развязали.

— Микита Ольшаников—то пишет здорово, ну и словечки—у его, сразу и не выговоришь... оркестрина, вот. ловко-то. А?

Звонким раскатистым смехом огласился клуб...

— Песню ту грянем. Голоса испробуем, что-ли? А потом читать снова.

Звучно покатилась молодая песня, голоса сильно гремели.

А потом бойкий голос Васьки увлекал всех и пробуждал в них что-то хорошее, обновляющее... Кончили читку. Затеяли было споры; критикуй. мол. Да осеклись.—Не нам, это делать.—Поучимся сами писать.

Попробуем писать в „Красные Всходы" научимся. Пусть узнают о нас все. Антересно, ведь, сочинить.

— Давайте, напишем.—

— Это ведь не дрова колоть, да солому таскать—острит лупоглазой Ванюшка.

— Но, ребята сойдет как-бы не написали.— Исправят там, свои товарищи ободряет Васька, вооружаясь бумагой и чернилами, и запасаясь мыслями в голове.

Упорно работали головы, склонившиеся над белыми листами бумаги. Быстро неуклюжим кривым почерком буквы ложились ряд за рядом. Бегали в перегонку мысли, выливаясь из под пера.

А Васька раскрасневшийся и углубившийся в работу, просиял от удовольствия: Выйдет, ребята! поднапри еще.

С. Б.

О „клубе через недельку“.

(Отрывки из дневника одного „погибшего комсомольца“).

13 августа 1922 года. Ура! Наконец то у нас будет свой клуб. Помещение найдено. Почти пять лет искали, ждали и вот нашли.

У всех есть клубы кроме нас— комсомольцев.

У железнодорожников есть, у водников есть, у металлистов есть, у милиции есть, у гарнизона есть... А у нас нет.

Но теперь будет. Дело не за большим. Сходить в жилотдел, взять ордер на помещение, а там принимайся за работу.

Ура!.. Мы с клубом.

21 августа. Еще нет. В жилотдел ходили. Там ласково обещали отвести просимое помещание. Надо, говорят, сначала обследовать, как и что... Без этого невозможно. Что-ж, причина уважительная. Велели зайти через недельку. Сегодня как раз неделя. Дня через два наверно будем с клубом, а там...—Смело, товарищи, в ногу.

3 Сентября. Вопрос еще не разрешен. Помещение обследовали. Обмерили и уверили, что дадут. Вчера ходили последний раз в коммунотдел. Уж больно там любят пословицу „тише едешь, дальше будешь“. Просили наведаться еще через неделю... Подождем... Ведь „поспешишь- людей насмешишь“. Ждали пять лет, подождем еще недельку. А цель все же близка... Дело только за ордером...

23 Декабря. Ордер получен. Помещение занято. А мне грустно. Дело в том что ордер выдан... не нам, и помещение занято... не нами.. Оно понравилось неким товарищам под „ответственные“ квартиры. А жилотдел расшаркался перед ними: Извольте получить ордер.

А нас уговорил подождать еще недельку. Вопрос будет разбирать какая то комиссия.

Я уж за вас словечко промолвлю—шепнул нам на прощанье жилотдел. Бедный... Приходится ему вертеться во все стороны.

27 Декабря. Все еще ничего. Комиссия еще не заседала. То нет этого, то того, а все ходим. Регулярно, каждую недельку. Если получим клуб (какие безумные мечты приходят в голову!) мы назовем его „Через недельку“. На память о Вологодском коммунотделе.

Сейчас с товарищами учим роман „Ямщик, не гони лошадей“. Хо-

роший романс. Нервоуспокоительный.

29 Декабря. Сегодня, наконец, комиссия соберется при любом количестве явившихся. Ой, ой, ой... Недели, недели... Три с половиной месяца недели... Но теперь кажется у цели. Хотя... Я начинаю седеть...

30 Декабря. Мы победили. Комиссия постановила выселить жильцов из того дома. Теперь не долго осталось ждать. Мы с клубом. Почти в клубе. А сердце что-то не верит.

31 Декабря. Сердце право. Жильцы не выезжают. Что, говорят, нам постановление. Захотим сами постановили... (ответственные) и живут.

А мы ходим. По инстанциям... Недели идут.

1 Января 1923 года. Мы с клубом. В клубе. За работой. Одни поют, другие репетируют, третьи... Вижу... Видел... Во сне.

Сегодня новый год, чего не приснится. А на яву?.. Обещали жильцы из дома выехать,—завтра, но когда? через неделю? через месяц? Ох, голова болит...

22 Января. Сегодня мы вспоминали жертв 9-го января 1905 года. Прошло восемнадцать лет. Пели: „Вы жертвою пали в борьбе роковой“...

В нашей судьбе есть что то тоже роковое...

У железнодорожников есть, у водников есть, у металлистов есть, у милиции есть, коммунальники открыли, биржевики открыли, а мы ждем... Недели... Решили завтра идти в жилотдел и запеть „Это есть наш последний и решительный бой“.. Или будем с клубом, или... через несколько недель (когда вырастут наши дети) прозвучат роковые торжественные слова „Вы жертвою пали в борьбе роковой“...

Выписал из дневника

Иосиф Брилович.

Примечание редакции. Эти отрывки доставлены в редакцию одним комсомольцем, который, передав свой дневник с криком—прощайте товарищи—выбежал из комнаты. Куда он скрылся,—не известно... Может быть улетел на Марс.

А клуба все нет...

О рождестве старухи бают.

Старики и старухи говорят, что когда во время празднования Комсомольского Рождества сжигали богов, то Иисус и богородица силою божьей уцелели, совершенно не подвергнувшись действию огня, тогда как они с треском превратились в пепел под пение Карманьолы.

— Антиповна! Куда это идешь?
— Ох, матушка, из церкви, от от обедни. .
— Ты слышала?
— А что?!
— Неужто не поймешь?
— Вот крест не смыслю...
— А вот намедни мне...
Рассказывал убогий старичек, как молодежь то Рождество справляла... (Он у меня пил вечером чаек)
— Ох, родная и страху испытала...
— Ну, расскажи скорей!..
— Антиповна грехи...
И богородицу и господа Иисуса,
И всех угодников сваргонили с ольхи...
Чурбашками! Да ну?!. Я и теперь трясуся...
А после то плясать вокруг пошли...
И на костре то сжечь их собралися...
Ой шаромыжники... Ужель сожгли так всех...
Нет, Иисус и богородица остались...
Вот где Антиповна то божьи чудеса...
Как их ни жгли — ничуть не обгорели...
Ой!.. с нами Бог...
А жгли то три часа...
И хоть бы хны, с ольхи, а уцелели...
И долго так, крамольников кляня,
Старушки наши охали, крестились,
А показать бы им как „боги“ от огня
Чудесно с чурбаков лишь в пепел превратились.

Максим Зубастый.

ПОДУМАЙ И ОТГАДАЙ.

(ШАРАДЫ и ЗАГАДКИ)

Часть первая впотьмах годится,
А ночью светлою кичится.
Если первый звук изменим,
Мягкий твердым мы заменим.
И слово:—пугало земное—
Будет частию второй,
А изменим ее немного,
То в грамматике—другой,
А вместе все соединяя:
Мы фамилию составим,
И в школах то предпочитая,
И, если есть, то вставим.

Составить из нижеследующих 33 букв, лозунг, брошенный на 5 Всероссийском с'езде Р.К.С.М. нашим вождем: а, в, д, с, с, ж, ж, з, и, и, и, и, и, л, л, м, м, н, н, о, о, о, о, о, о, р, р, с, т, у, ф, ы, ю.

Первое—ребята из снега катают,
Второе – буквы, одна согласная, другая гласная
Третье – выступ, где пристают корабли у морских городов.
Целое—известная организация.

Помещенные во втором номере журнала шарады, первыми разрешили т. Евсеев, член Грязовецкой организации Р.К.С.М. и Харовская ячейка.

Присланные остальными товарищами, материалы запоздали.

За разрешение помещенных здесь задач и шарад, первым двум нашедшим это решение выдается премия по 5-ти книг.

Наша почта.

Ив. Кедровскому. Ваш рассказ „На Океане" поместили в „Краснофлотце". Присланные стихи используем в следующих номерах.

Вельским Укомцам. Составленный вами истомол получили. Бледноват он ребятки,—то и дело решения с'ездов мелькают, а самих то ярких моментов почти ни одного. подумайте, как следует, соберите побольше материалов, да поправьте недочет. Выборки из присланного, вероятно, сделаем и поместим в следующем номере.

Б. Иванову. Три короба стихов, да рассказов обещал, а вместо этого, одну поэму прислал,—где-же остальное? или по дороге из Сухоны в Грязовец испарилось. Ждем.

Гр. Смирнов. „Призыв" помещаем,—об остальном необходимо переговорить, зайдите в редакцию „Всходов".

Тов. Куропатникову. Ничего подходящего в ваших стихах не нашли.

Ив. Павловичу. У вас на тему о том, как „идет Комсомол"—кажется уже третье стихотворение—хватит двух, это пока оставим. „Прошлому" помещаем пишите, не сердитесь на нас.

Комсомолке. Ваш рассказик о том, как Вася в Союз поступил, да его отец не бранил, не подходит для нашего журнала, слишком обыденно. Пишите заметки о работе ячеек Комсомола.

Алешину. Посланные Вами материалы получены. Часть из них помещаем, остальное пойдет в следующие номера. Не пиши, что попало, а хорошенько продумывай свои вещи.

ОБЗОР ЮНОШЕСКОЙ ПЕЧАТИ

„Юный Коммунист", № 17—18. Декабрьский номер журнала „Ю. К." — посвящен полностью Красному Флоту. Начиная с передовой „Наше шефство" и кончая „Почтовым Ящиком" — по всем страницам красной нитью Флот, шефство, краснофлотец...

В этом номере большое участие приняли флотские спецы, настоящие „Морские волки" — т. т. Панцержанский, Зоф, Орлов. Очень обстоятельно, и очень просто т. Панцержанский разъясняет задачу Советской власти, в строительстве военного флота. Нам нужен флот не только для обороны 700 о советских границ от империалистов. Он нам нужен и для международной торговли. Наконец, флот — есть „школа мысли и тела". Морские школы и сама морская служба дает не только хороших специалистов, но и развитых, культурных людей. Комиссар морских сил т. В. Зоф в статье „Наука техника, коммунизм" дает краткий исторический обзор нашего флота и намечает конкретно задачу юного шефа — Комсомола. Отдельными сочными штрихами — воспоминаниями дается картина жизни краснофлотцев на море, в школе, в плавании. На отдельном приложении — снимок корабля „Комсомолец". В общем и целом журнал богато и всесторонне пропагандирует шефство. Жаль только одного, что он пришел на места уже после недели и послужить материалом, конечно, не мог. Но это уж проявление... „хронического запаздывания".

„Молодая гвардия", октябрь—декабрь, № 6—7. Давно ли мы все с большой дозой скептицизма относились к попыткам издавать всероссийский журнал для молодежи. Правда, на своих съездах, мы констатировали необходимость такого издания, мы в нашей практике чувствовали отсутствие серьезного журнала для молодежи. Давно-ли? И вот мы уж можем наблюдать, как „Молодая Гвардия" за этот короткий период достигла весьма значительных результатов. Последняя книжка журнала обладает, пожалуй, всеми качествами. Очень удачно подобран. В нем читатель юноша найдет все что его интересует. Особенно хорошо составляется отдел „Вопросы жизни", „Общественные науки". В этом номере помещена второе „письмо" т. Коллонтай, трактующей вопросы морали. Рассказ „Шоколад" (почему-то названный „фантастической повестью") заслуживает особенного внимания и рекомендации. Автору удивительно ярко и точно удалось передать из трагедию одного из „героев нашего времени". Предгубчека Зудин, очень честный, неподкупный, всегда твердый, коммунист — рабочий, делает маленькую оплошность, доверившись болерине Вальц, „Вальц в манто, Вальц в духах". Вальц берет взятку деньгами, Вальц принимает в дар шоколад от своего старого возлюбленного — английского агента. Она делится этим шоколадом с голодающей семьей Зудина, хотя он протестует против этого. Интриганы, недовольные Зудиным, узнают о взятке взятой Вальц, которая служит в Чека, и обвиняют во взятке самого Зудина. Он арестован. Назначается суд. Суд видит, что Зудин — также честен, неподкупен, весь — коммунист, весь — пролятарий. Но Зудин сделал ошибку, на момент оказался мягкотелым. Зудин виноват в том, что „смел устать", захотел отдохнуть. И Зудину выносят смертный приговор. Захватывает разговор Зудина с членом комиссии Ц. К. Ткачевым. Следует почитать рассказ.

Б. Орис.

Редактор: редакц. коллегия. { **Б. Шегула. д. Вильнин. Д. Чекулаев.**

Издатель. { **Вологодский Губком РКСМ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

„КРАСНЫЕ ВСХОДЫ“

ОРГАН ВОЛОГОДСКОГО ГУБКОМА РКСМ.

Журнал выходит ежемесячно; содержит в себе отделы: ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ, ЖИЗНЬ и РАБОТА МОЛОДЕЖИ, БИБЛИОГРАФИЯ и др.

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕКАЮТСЯ ЛУЧШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ Г. ВОЛОГДЫ.

Цена номера 4 руб. (ден .знак. 1923 г.).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

желающий получить журнал, сообщает в редакцию свой адрес и высылает подписную плату Пересылка производится наложенным платежом..

Адрес редакции и экспедиции журнала: г. Вологда, Дом партии, Афанасьевская 3. Губком РКСМ.

К сведению читателей.

Журнал, по независящим от редакции техническим затруднениям, выходит с большим опозданием.

Редакция.

Центральная Коммисия

— ПРИ ПОЛИТУПРАВЛЕНИИ —

Реввоенсовета Республики и Ц. К. Р. К. С. М.

В НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ

„НЕДЕЛИ КРАСНОГО ФЛОТА“

— ИЗДАЕТ СБОРНИК —

„Красный Военный флот“,

Весь доход с которого предназначен на усиление средств по пропаганде идей „КРАСНОГО ФЛОТА“.

Сборник будет богато иллюстрирован рисунками, фотографиями, фототипиями и т. п.

Об'явления в сборник принимаются через местную организацию Р. К. С. М., там же принимается предварительная подписка.

КАЖДЫЙ ЧЛЕН КОММУНИСТИЧЕСКОГО

СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

— должен читать свою губернскую газету —

„КРАСНЫЙ СЕВЕР“

При газете имеется двухнедельная страничка молодежи.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА.

На один месяц с доставкой — 20 рублей (денз. 23 г
„ „ „ без доставки — 15 „
На два месяца с доставкой — 36 „
„ „ „ без доставки — 28 „
На три месяца с доставкой — 50 „
„ „ „ без доставки — 40 „

При коллективной рабочей и крестьянской подписке не менее 5 экз.—скидка 10%.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ, РАСПРОСТРАНЯЙТЕ!, УВЕЛИЧИВАЙТЕ, ТИРАЖ!!

Выходит третий номер

„КРАСНЫХ ВСХОДОВ“,

а распространение его идет не вполне успешно.

СЕЙЧАС МЫ БРОСАЕМ ЛОЗУНГ:

четвертый НОМЕР должен выйти,

В ДВЕ ТЫСЯЧИ ЭКЗЕМПЛЯРОВ!

МОЛОДЕЖЬ!
РАБОЧИЕ!
КРЕСТЬЯНЕ!

подписывайтесь, распространяйте наш журнал.
Шлите материалы, отзывы, ближе к юношеской печати!.

ТИПОГРАФИЯ
Проф.-тех. школы Полигр. Произ.
В ВОЛОГДЕ.

Губотделение № 113

Тираж 1000 экзем.

Литография Северосоюза.